

Александра Хартманн

Замок

Веретено

И Бесконечная Ночь

Volcano & Almetio

В этом царстве никогда не наступает рассвет. Однажды прогневав богов, мир накрыл полог тьмы, и лишь некоторые города, поддерживают свет благодаря магическим камням. Я Элая и меня в этом мире кличут ведьмой, нечистью. Меня боятся, и от меня надевают обереги. Мое единственное убежище — странный заброшенный замок в самой чаще леса, тропу к которому могу отыскать только я. Здесь я полновластная хозяйка, и здесь же я тку на веретене нити, способные менять человеческие жизни.

Александра Хартманн

Замок. Веретено. И Бесконечная ночь

Глава первая

Сквозь плотно сжатые веки пробивается свет. Неужели я все-таки умерла?

Той холодной одинокой ночью на безлюдном перекрестке моя жизнь оборвалась. Должна ли я подводить итоги? Проводить черту? Совершила ли я больше добра, чем зла? Успела ли помочь тем, кому было тяжелее и больнее, чем мне? Сердце сжалось, а глаза защипало. А это значит... Что я все-таки жива...

Пальцы онемели, глубоко вдохнув морозный воздух, я открыла глаза. Это был снег. Он покрывал плотном слоем все мое тело, забивался в нос и рот, под спиной ощущалось что-то жесткое. Повернув голову, вижу что-то черное, словно обуглившиеся доски. Что же происходит? Где я?

Чтобы выбраться из этого снежного кокона, начинаю активно работать руками и ногами, свет с каждой секундой все ярче и отчетливее, проступают очертания неба. И вот последний рывок, я наконец выбираюсь наружу и откашливаюсь. Тело бьет дрожь, вижу свои посиневшие руки и черные локоны... Черные? Это так поражает меня, что я тут же прихожу в себя и отряхиваюсь. Нет-нет! Это какой-то сон? Или кома? Ведь в жизни у меня светло-русые волосы крашенные в платиновый блонд. А эти пряди темные словно смоль, и длинные, достигающие чуть ли не до середины бедра! Бред! Видение.

Чтобы прогнать пугающую реальность, спешу вновь опуститься на снег и зажмурить глаза.

— Это сон, Элая, просто сон... Тебя скорее всего сбила машина на том перекрестке, и ты сейчас в больнице. Надо немного подождать... Все хорошо.

Свернувшись в комочек, дыханием пытаюсь согреть оледеневшие пальцы. Почему же так холодно? Когда же я очнусь?

Время тянулось мучительно медленно, но как бы сильно я ни щипала себя, не была по щекам, странное видение не уходило. Я все еще сижу на белом снегу, а вокруг... Украдкой поднимаю тяжелую голову и различаю вдали огни небольшого города. Станным показались мне дома, и крыши с трубами, из которых валил черный дым, и высокая крепкая стена, я где-то видела подобный пейзаж. На старинных картинах, описывающих быт людей в Средние века. Кругом покатые холмы, покрытые снегом, и русло замершей реки, покрытой мерцающим льдом.

Увиденное настолько поразило меня, что я позабыла обо всем, в том числе и о своих попытках вернуться в понятную мне реальность. Как бы я ни пыталась отрицать, но все вокруг было настоящим. Пушистый снег, голые стволы деревьев. Прилетевшие две совы, которые пучили на меня свои желтые глаза-блюдца, с нескрываемым любопытством разглядывая странного вида девушку с длинными черными волосами и в одном белом балахоне до пят. Последнее обстоятельство являлось наиболее удручающим, так как этот самый балахон был выполнен из тонкой грубой материи, совершенно не защищавшей от холода.

Стуча зубами и дрожа, как жалкий осиновый лист, я пошла на огни. Быть может, в том сказочном городе живут сказочные люди, которые не откажут мне в помощи, а заодно и объяснят, куда я попала.

Так, проваливаясь по колено в снег, я спустилась с того места, где была, и взглянула назад. Похоже, что я лежала на каком-то возвышении, похожем на курган. Стараясь не

поддаваться глупым мыслям, продолжаю идти к городу. Мне надо теперь перейти деревянный резной мост через реку. С другой стороны моста доносятся веселые крики и детский смех. Сквозь вечерний сумрак глаза различают фигурки мальчиков и девочек, катающихся на санках с горки. Нежные щечки покраснелись от мороза, шапки съехали набекрень. Хотела помахать им, но руки так окоченели, что не слушались, так же и голос, который просто не хотел слушаться.

Покашляв, я решила сначала попросить ребятню отвести меня к теплой печки или очагу или батарее... В общем, что найдется в этом странном городе готического вида.

Подхожу ближе к мосту и вижу, что по бокам стоят резные фигуры волков, выше человеческого роста. На какой-то миг мне показалось, что от них шла едва уловимая вибрация, но решив, что лучше не доверять своим ощущениям, я ступила на мост, и тут произошло что-то столь немыслимое и странное, что мое сознание не успевало за событиями. Глазницы волков засветились, из разинутых пастей раздалось грозное рычание, огласившее округу. Казалось, от этого рычания разверзнется земля и падут звезды. От ужаса повалилась на землю и зажала уши.

— Сюда! Скорее! — вдалеке послышались встревоженные голоса.

В миг умолк детский смех, вместо него нарастал гул, а у меня внутри расползлся странный жар.

— Нечисть! У моста! Готовь костры!

Кое-как справившись с дрожащими ногами, наконец поднялась и увидела, что с той стороны реки уже собралась нешуточная толпа людей. Они и в правду были все одеты странно. Ни современных пуховиков с уггами, ни джинс с дубленками. Вместо этого большинство носили громадные шубы, похожие на медвежьи, подхваченные широкими поясами, у некоторых у шеи воротники застегивались на фибулы, головы женщин покрывали шерстяные платки, мужчины же были и вовсе простоволосыми, что, учитывая трескучий мороз, говорило о крепком здоровье.

— Вурдалак, руку даю на отсечение! — крикнул кто-то. — Этих тварей уже гнали от Чермесса, они сюда прибежали!

— Прочь темных тварей! Прочь!

От этого клича внутри меня все сжалось. Я не понимала, что вызвало подобное поведение людей. Совершенно сбитая с толку, пытаюсь вновь ступить на мост. Но едва моя босая ступня касается заледеневших досок, как снова волки оживают, их пасти двигаются и из нутра вырывается рычание. И новая волна отбрасывает меня обратно на снег.

— О великие боги! Прорываются! — донеслись с той стороны встревоженные крики.

Слышится топот ботинок о мост, и вот прямо на меня движется толпа мужчин, с зажженными палками и факелами.

— О светлейшие боги, — останавливается самый первый из них, смотря на меня испуганно и потрясенно, — это не вурдалак.

— Уводите детей! Скорее! Это ведьма! — завопили остальные, едва выйдя из оцепенения.

— Нечисть! Ведьма!

Сердце мое ухало в ушах, телу было и жарко, и бесконечно холодно в одно время. Где-то в глубине я стала понимать, что ведьма и нечисть — это я. И именно на меня вышли эти бравые мужи.

Несколько мужичков с вилами угрожающе шагнули ко мне, остальные последовали их

примеру.

— Эту ведьму надо сжечь, пока она не утщила наших детей! — раздалось со всех сторон. — Хватай ее, братцы!

Толпа колыхнулась и повалила в мою сторону. Еще секунду назад мне казалось, что я не смогу пошевелить даже пальцем, настолько уставшей и замершей себя чувствовала. Но страх придал моему телу столько силы, что я, не помня себя от ужаса, пустилась прочь, в сторону черного леса.

Мужики, хоть и были крепкими, но очень грузными, и снег на полях то и дело тормозил их продвижение. Я же не бежала, а словно летела.

— Хватай! Не дай уйти! — то и дело доносилось за спиной.

Лес легко пустил беглянку и сразу сомкнул свои корявые руки-ветви, укрывая меня от погони.

— Гури! Стой! Не ходи туда! — кричал кто-то.

— Я поймаю ее! Эту тварь! — отвечал мой преследователь, единственный из толпы горожан, кого не испугал мрачный сумрак.

Я бежала и бежала, не разбирая дороги. В груди было так больно, словно она вот-вот разорвется. Наконец силы покинули меня. Прислонившись лбом к стволу, ели, я с трудом пыталась отдышаться. В какой-то момент, подняв глаза, увидела, что вверху на ветке мерцает огонек, присмотревшись, понимаю, что это горел маленький фонарик, не понятно каким образом там очутившийся. Подул ветер, фонарик чуть закачался, и тут же рядом на соседнем дереве вспыхнул еще один огонек. Повинуясь какому-то внутреннему голосу, иду на это мерцание.

— Стоять! Ведьма! — раздается позади.

Замираю и оборачиваюсь.

Там стоит мужчина из того города, в руках зажжённый факел и длинный нож. Грудь колыхается, изо рта валит пар, все лицо красное и в крупных каплях пота.

Я пячусь спиной. Что мне противопоставить против такого здоровяка? Голова кружится, волосы прилипли к губам.

— Больше ты не будешь пугать наших жен и детей, — надвигается мужчина.

— Но я вовсе не... — пытаюсь начать.

— Молчать! — рявкнул он и его лицо перекосило от ярости. — Ни звука не позволю тебе издать, не дам тебя зачаровать! Знаю ваши уловки!

Краем глаза замечаю какое-то движение в зарослях за его спиной, а затем две красные точки проступают сквозь сумрак. Это были глаза.

— Подожди! Сзади! — кричу в последний момент.

Но было поздно. Черная тварь выскочила мгновенно и, едва мужчина смог понять, что происходит, впила ему в шею. Красные брызги хлынули на снег, и комок подкатывает к горлу.

— Нет... — шепчу из последних сил. — Прочь...

Но из зарослей выскакивает еще две такие же твари и впиваются в несчастную жертву.

В голове туман, руки трясутся, хватаю упавший из рук мужчины на снег факел, к счастью, он не успел потухнуть.

— Прочь! — надвигаюсь на мерзких тварей и тычу огнем прямо в их морды.

С трудом оторвавшись от своего пиршества, твари замерли и оскалили пасти, полные кривых желтых клыков.

— Убирайтесь! Ну! — подаюсь вперед и втыкаю факел прямо в глаз первой твари.

На весь лес раздаётся скуление и рев, но две остальные уже обходят меня сзади, готовясь напасть со спины.

— Прочь! — кричу и машу огнем по кругу. Хватаю ветку с земли и поджигаю. Теперь у меня две руки, и я намного опаснее.

Пячусь спиной в сторону огоньков, уже целый ряд их тускло мерцал в ветвях.

Твари и не думали отступить. Угрожающе пригнув уродливые морды и разинув слюнявые пасти, они надвигались, стараясь застать меня врасплох. От напряжения меня трясет, ноги так и хотят пустить бегом, но это невозможно, так как едва я повернусь спиной, так тут же эти твари вопьются в мою шею. Поэтому выход только один — продолжать идти на огоньки спиной вперед.

Твари были странными на вид, словно уродливые скелеты, покрытые трупной разлагающейся кожей, только теперь поняла, что у них не было глаз, а пустые глазницы горели мрачным inferнальным красным светом.

— Прочь... — шепчу пересохшими губами, продолжая держать зажженные факел и ветку так, чтобы твари не могли обойти.

Чуть поворачиваю голову, и вижу, что за спиной выросла высокая непроходимая стена из колючего кустарника. Значит тупик? Сердце бухает в ребра и тут же падает. Глухое рычание нарастает. Это твари почуяли мой страх и скорую их победу.

До последнего иду спиной, пока между лопаток не втыкаются в кожу шипы.

Первая тварь, с окровавленной мордой и подпаленным глазом, изогнулась и прыгнула. Страшные клыки сомкнулись на запястье, и факел упал на снег, в этот раз потухнув, следом кинулась вторая тварь, теперь уже второе запястье оказалось в тисках. Стон вырвался из груди, и я упала на снег.

Третья тварь уже готовилась к прыжку, она целилась в шею, как вдруг над головой раздалось громкое:

— Уфф! Уфф!

Две огромные совы показались поверх колючих зарослей, в клюве одной из них качался фонарь, по типу тех, что висел на ветках.

Твари явно растерялись и расслабили хватку.

Совы носились низко-низко, угрожающе растопырив когти. Твари пытались прыгнуть, чтобы ухватить птиц за крылья, но промахивались, вместо этого получив довольно болезненно когтями по мордам.

Тем временем сова с фонарем в клюве опустилась возле меня, рука невольно потянулась к ручке фонаря. Едва мои пальцы коснулись ее, как заросли за спиной пришли в движение и расступились, образовав длинную аллею. Недолго думая, я бросилась в этот проход, держа окровавленной рукой фонарь перед собой. Едва пропустив меня, кустарники тотчас сомкнулись за спиной, переплелись ветвями и снова превратились в непроходимую стену.

Я уже ничему не удивлялась. Внутри меня с каждой секундой крепла надежда, что спасение близко. Скуление тварей осталось далеко позади, и я продолжала идти аллеей, две совы кружили над головой, гостеприимно ухая.

И вот высокие шпильки старинного темного замка проступили сквозь сумрак и туман. Здесь не было зимы, не было холода. Заросший парк утопал в розах и пионах, в высоких фонтанах журчала вода. Подул ветер, и сохшие листья понеслись прочь с дорожек. Что было это за место? Кто его хозяин?

Поднявшись по старинным широким ступеням, я подошла к высокой двери с изображением необыкновенной птицы.

Взяв металлическое кольцо, осторожно постучала. Звук разлетелся по пустым комнатам, мрачным галереям, дошел до темных башен и замер.

Подождав минуту и поняв, что никто мне не откроет, я потянула кольцо. Дверь со скрипом поддалась и тяжело отворилась ровно настолько, чтобы пропустить только меня.

Глубоко вдохнув, я вошла внутрь.

Глава вторая

Длинная темная галерея встретила меня безмолвием. Широкая парадная лестница, застеленная дорогим красным ковром, тонула в полумраке. Долго я блуждала по этому странному пустому замку, в котором жили лишь тени, да звук моих шагов. Поражало еще и то, что несмотря на то, что место выглядело абсолютно пустым, залы и парадные комнаты стояли в идеальном порядке, словно хозяева его покинули буквально пару часов назад.

Устав ходить, я опустилась в одно из кресел с высокой резной спинкой из темного дерева.

Что мне было делать непонятно. Что в таких случаях делают героини в фильмах и романах? Пытаясь вспомнить мировую литературу и кинематограф одновременно, ощущаю неприятные спазмы в животе. Правильно! Они ищут, чем-нибудь покрепиться. Я стала присматриваться к темным углам, не прячутся ли случайно там говорящие подсвечники и часы, не обнаружив ни того, ни другого, грустно вздыхаю и понимаю, что еду мне придется искать самой. Поднимаюсь, и тут только понимаю, что моя белая туника вся пропиталась кровью с прокушенных запястий.

— А для начала хорошо бы перевязать раны, — хмуро бормочу под нос.

Оторвала подол своего жалкого одеяния и наскоро замотала места укуса. Лучше, чем ничего. Но все же надо попробовать отыскать тут еду, одежду и бинты. На антисептики я даже не рассчитывала.

Еще поплутав из залы в залу, осмотрев все галереи с портретами дам и кавалеров в старинных одеждах, я решила подняться на второй этаж.

Тусклый свет фонаря с трудом справлялся со все более сгущающимся мраком кругом. Комнаты на втором этаже представляли собой бесконечный ряд шикарно обставленных спален и приемных, библиотек и оружейных. Все так же неизменно пустых и мрачных. Грустно вздохнув, хотела уже возвращаться вниз и искать кухню или кладовую, как тут заметила, как из-под самой дальней двери пробивается свет. Холодок пробежал по спине, но, вспомнив трех жутких тварей, которых не пропустили заросли, я решила довериться этому замку. Как бы не звучало дико, но мне все больше казалось, что он защищает меня.

Судорожно сглотнув, обхватываю рукоять фонаря и иду по коридору на свет. Толкаю потемневшую от времени дверь. Передо мной винтовая лестница на башню. Осторожно поднимаюсь по узким каменным ступеням вверх. Картина, открывшаяся моим глазам, поразила своим уютом. Эта была чистая комнатка, пол застелен мягким пушистым ковром, в углу пылал камин, отчего здесь было очень тепло и сухо. Высокие стеллажи ломались от книг в золоченных переплетах, а в углу стояло — и вот тут я действительно удивилась, потому что там находилось веретено. Самая настоящая прялка с колесом, веретеном, приводными струнами и педалью для вращения колеса. Наличие этого старинного приспособления для прядения пряжи заставило меня замереть. Прялка была необычна еще и тем, что снизу-доверху была расписана каким-то таинственными символами и знаками, среди которых преобладало изображение все той же птицы, которую я видела на дверях замка.

Неуверенно помявшись возле этого предмета, я решила отойти подальше, памятуя его не слишком хорошую репутацию. Мой нос тут уловил вкусный запах. Подойдя к столу возле высокого стрельчатого окна, я, к своей неописуемой радости, обнаружила на нем огромное

количество еды на тарелках. Чего тут только не было: хлеб, масло, ветчина, даже жареные яйца. Все словно только что приготовленное и свежее.

— А вдруг, если я поем тут, то не смогу вернуться домой? — эта мысль ворвалась в мое сознание и заставила замереть занесенную было руку.

Но мое колебание длилось ровно мгновение. Урчащий живот и вид аппетитной еды решило все за меня. Уже через пятнадцать минут я запивала полный рот стоящим тут же то ли компотом, то ли морсом по вкусу и запаху напоминавший клюквенный.

По моему уставшему телу разлилась усталость, веки отяжелели, в углу стояла небольшая кровать, я повалилась на нее и укрылась необыкновенно мягким пледом, он был словно соткан из нежности и тепла. В миг все тревожные мысли ушли из головы, сладко зевнув, я закрыла глаза. И в эту странную и страшную ночь, окруженная теплом огня, укутанная пледом, мне снились сказочные сны, будто я ловлю радугу в ладоши и смеюсь, выпускаю ее обратно в небо.

Глава третья

Проснулась я от стука в окно. Разлепив глаза, вижу, что уже рассвело, огонь в камине сам потух. Потянувшись, взгляд невольно останавливается на руках, перевязанных полосками от туники. Ткань вся пропиталась кровью, но сами места укуса на удивление не болели так, как вчера вечером. Я уже хотела было развязать, чтобы осмотреть раны, но в окно снова постучали.

Это были те две совы, что спасли меня вчера от кровожадных тварей. То одна, то вторая подлетали к окну и ударяли в него своими клювами.

— Разве вы не должны днем спать? — ворчу недовольно, распахивая створку и впуская настойчивых птиц.

Одна из них опустилась мне на плечо, а вторая на веретено. Эти две напарницы явно чего-то от меня хотят.

— Вы по всей видимости все тут знаете, быть может тогда, скажете, где мне переодеться? — поднимаю вопросительно бровь.

— Уфф! — ответила та, что у меня на плече, про себя я ее уже прозвала Белочкой, так как на одном из крыльев у нее было много белых перьев.

Она полетела к двери, и я решила последовать за ней. Пройдя тем же путем, что вчера вечером, мы очутились в одной из спален второго этажа.

Мне здесь сразу понравилось. Мило и без кричащей роскоши. Отворив ставни, я вышла на балкон, с которого открывался чудесный вид на зачарованный сад. Я попыталась охватить взглядом все пространство вокруг замка и дальше, вплоть до высокой изгороди, за которой в этот час бушевала снежная метель. Мне еще трудно было привыкнуть к волшебству и необычным событиям, что произошли за последнее время. Конечно, этот мир совершенно отличался от того, из которого я пришла. Здесь водятся жуткие твари, питающиеся человеческой кровью, тут существуют заколдованные замки и совы, понимающие речь. Я подняла глаза к небу, чтобы понять, в какой стороне находится солнце и замерла. Его не было. Все небо покрывало серебристо-голубая паутина, а свет, который я приняла за солнечный, шел откуда-то сбоку из-за горизонта, словно рассвет вот-вот наступит, но шли минуты, а светило так и не показало своего лица.

— Это еще одна особенность этого мира? — дивлюсь, возвращаясь в комнату. — Отсутствие солнца?

Белочка сидела на кровати и загадочно смотрела на меня.

— Жаль, что ты говорить не умеешь по-человечески, — сетую я, обходя помещение в поисках шкафа, в котором могла бы быть убрана одежда, — поговорили бы с тобой по душам. А то я не совсем понимаю, как тут у вас все устроено. Может одежда тоже возникает как-то по-волшебному? Нужно закрыть глаза и представить фасон брюк или толстовки?

Я говорила и говорила, не переставая искать заветный шкаф. И тут Белочка махнула крыльями и села на ручку в стене. Если бы она этого не сделала, я бы даже не обратила на нее внимания, так как ручка казалась просто частью декора.

Повернув ручку в стене, которая оказалась дверью, я очутилась в громадной гардеробной.

— Вау, — вырвалось невольно у меня.

Каких нарядов тут не было. Платья со шлейфами и без, с длинными рукавами до пола и

короткими до запястий, с расшитыми бусинами и кристаллами воротниками и подолами, с расшитым лифом и юбками. В стенах были прорезаны ниши, в которых на мягких подушках из красного бархата покоились драгоценности.

— Ну и ну, ни дать ни взять кладовая королевы Елизаветы, — растеряно чешу затылок.

Кто бы тут ни жил, эти люди явно относились к высшей знати и были весьма богаты.

— А нет здесь чего-нибудь попроще? — спрашиваю сову, которая уже села на овальное зеркало в углу. — В конце концов погода за оградой крайне суровая, мне будет неудобно ходить по снегу в таких шикарных нарядах.

Белочка продолжала смотреть и никак не выражать того, согласна она со мной или нет. Быть может, она думает, что я вообще не должна покидать пределы зачарованного замка?

Тяжело вздохнув, я принялась задумчиво бродить между рядов с одеждой и драгоценностями. Выбрав наконец самое простое по крою — из темно-серого графитного материала с узкими рукавами и простым воротничком, поспешила надеть его. Тут же нашлись теплые чулки и даже плащ, подбитый мехом, который я решила приберечь до поры до времени. Уж коли я попала в этот загадочный мир, будет лучше, если я узнаю его, как можно лучше. Ведь неизвестно, сколько еще мне предстоит в нем жить.

Подойдя к зеркалу, на котором продолжала неподвижно сидеть Белочка, я принялась осматривать себя.

— Надо бы конечно еще найти, где тут моются, — кручусь я вокруг себя, невольно любуясь мягкими серебристыми переливами которые создает ткань.

Лицо мое изменилось. Это была не та Элая, живущая в двадцать первом веке, выплачивающая ипотеку и каждое утро принимающая бой в метро за взятие вагона поезда. Мои черты стали красивее и острее, ресницы длиннее и пышнее без всякой туши, а по щекам разливался прелестный румянец, говорящий о том, что эта Элая юна и очаровательна, и не знала тех жизненных испытаний, что успела отведать я в своем мире.

Великолепные иссиня-черные волосы ниспадали волнами на спину и грудь.

— Кто же закопал тебя на том кургане, Элая? — я проводила рукой по этим щекам и длинной шее. — И почему ты стала той, которую называют ведьмой?

— Уфф- Уфф! — заухала неожиданно Белочка. Слетела с зеркала и на несколько секунд исчезла в лабиринте гардеробной, но потом вернулась, неся что-то в лапах.

Я вытянула ладони, и мне упал кулон в виде золотой птицы с красным рубиновым глазом.

— Я так понимаю, что мне нужно надеть это? — вопрошаю птицу, но та лишь только изогнула голову в своей совиной манере. Приняв это за ответ, я поспешила надеть кулон и снова посмотретья в зеркало.

Теперь я и впрямь выглядела как госпожа со старинных портретов. Только прическа не подходила. Поискав глазами, отыскала в глубине чудесный резной секретер со множеством ящичков и секретных отсеков, полных шпилек, бусин, заколок, гребней и небольших зеркалец в драгоценных оправках. Долго я не могла налюбоваться всем этим великолепием и сиянием. Наконец решила соорудить ту единственную прическу, которую умела делать и которая подходила случаю, проще говоря, пучок. Правда, теперь мои волосы были намного длиннее и толще и справиться с ними было так же не так легко. Промучившись добрых полчаса с расческами и шпильками, я плюнула на это дело и решила, что с распущенными волосами тоже вполне можно существовать. Единственно от чего я не смогла удержаться, так от жемчужного ободка. Это украшение по всей видимости должно было венчать хитрую

прическу знатной дамы, я же его использовала по его прямому назначению — чтобы волосы не так сильно лезли в глаза.

Нарядившись таким образом и еще раз всласть налюбовавшись обновленной мной, я вышла из комнаты и спустилась вниз.

Сейчас днем этот замок не казался мне таким мрачным и зловещим, каким казался вчера. Долго гуляя по галереям и лабиринтам зал, я все никак не могла поверить, что вижу все это великолепие воочию. Сколько же людей здесь могло разместиться? Сколько слуг нужно было, чтобы поддерживать чистоту и порядок?

Толкнув плечом очередную дверь, я неожиданно очутилась в огромной библиотеке. Лениво бродя вдоль стеллажей, я то и дело вынимала какую-нибудь книгу и пролистывала ее. Самое необычное было то, что язык, на котором были написаны тексты, я раньше не знала, но его знала другая Элая, та, что из этого мира.

Книги были разного толка и содержания. Много о путешествиях и необычных животных, таких как драконы, единороги и минотавры. Я искала карту, чтобы понять, как называется государство, в котором я очутилась. И наконец нашла.

— Нордесс, — прочитали мои губы витиеватые буквы. Страна, на западе и востоке имеющая выход к морям, к северу располагалось множество небольших государств и княжеств, так же и на юге.

Я читала и читала, чтобы найти, где говорить о том, что в этом мире нет солнца, но нигде не нашла подобной информации. Возможно, эти люди даже не знают о том, что у них нет светила? И тот день, когда над головой мерцает странная по виду паутина и есть для них норма?

Так ничего и не найдя, я отложила в сторону свитки и фолианты, и решила пройти дальше. В дальнем углу библиотеки так же в стене была встроена ручка.

— Обитатели этого замка явно имели склонность ко всяким секретам, — бормочу задумчиво и поворачиваю ручку.

Иначе как можно объяснить эту странную любовь к тайным комнатам и тайникам?

Вот и сейчас я очутилась по всей видимости в чьем-то кабинете. В воздухе ощущался едва уловимый запах табака. Здесь стоял стол и стулья все из темного дерева, как и остальная мебель в замке, в углу красовались часы с боем, маятник которого был выполнен в виде все той же птицы, то ли павлина, то ли феникса.

Над камином висел портрет необычайно красивой женщины. Белокурой с ясными лучистыми глазами. Я невольно замерла перед этой красавицей. Было что-то в ее лице столь притягательное и волнующее, что заставляло смотреть на нее снова и снова.

Оторвав наконец взгляд от портрета, я подошла ко столу. Он весь был заставлен старинными чернильницами и хитрыми предметами, применение которым точно знали в далекие времена, но которые стали загадкой для тех, кто привык к шариковым ручкам да клавиатурам ноутбуков.

Мой взгляд переместился на бумаги. Я взяла верхние и принялась читать. Они были написаны уверенным, сильным почерком. По всей видимости это были письма.

На одном из них выведена фраза: «Во что бы то ни стало надо остановить». А второй листок был наполовину залит чернилами, все что я смогла разобрать было: «Все пять должны быть уничтожены».

Глава четвертая

Время в зачарованном замке будто замерло, в добавок у меня не было календаря, чтобы проверить дни недели. Моим единственным ориентиром являлись тусклые рассветы и закаты, неохотно тянувшиеся друг за другом. Так я насчитала неделю. За это время мне удалось изучить если не все, то по крайней мере многие комнаты замка, прочитать несколько книг и даже научиться готовить. Да-да, тот стол-самобранка, что накрывался в комнатке на башне, спасал меня от голода, да вот только проблема состояла в том, что всегда на нем стояли одинаковые блюда. Изо дня в день. Одно и то же.

На пятый день после килограммов съеденной ветчины и жареных яиц и после литров клюквенного морса, я поняла, что скучаю по фруктам и овощам. Но где их раздобыть?

Побродив рассеянно по коридорам, я смогла отыскать погреб, в котором, мне на радость, хранилось множество съестных запасов, все еще свежих, словно их положили туда только вчера. Далее мои открытия продолжились на кухне, где я худо-бедно освоилась с большой дровяной плитой, очагом и прихватом. Белочка и Смуглянка (так я назвала вторую сову) были моими неизменными спутницами и, чего скрывать, единственными собеседницами в этом безмолвном царстве, где даже ветер страшился громко выть, лишь тихим шепотом теребя листья.

Нацепив на платье передник, я каждое утро проводила на кухне, экспериментируя с продуктами. Остаток дня проходил в гулянии по парку, утопающему в благоухании цветов. Иногда я подходила слишком близко к живой стене и кожей ощущала, как из-за переплетенных толстых стволов тянуло холодом.

— Почему же это место хранит вечное лето, тогда как там — зима? — рассуждала я, смотря на шипы. Они защищают меня от злых сил и в то же время делают пленницей этого замка.

Рука достает сложенные бумаги, найденные в кабинете.

— «Все пять должны быть уничтожены», — читаю вновь загадочную фразу.

Кто или что это? Голова начинала гудеть от вопросов, и тогда я спускаюсь по широким мраморным ступеням вниз парка к пруду, из середины которого бил фонтан, и сажусь на широкий парапет, окружавший пруд.

Прочитанные книги тоже не вносили ясности о мире за оградой. Все тексты говорили о том, что здесь существовали и солнце, и луна, времена года привычно сменяли друг друга. Встречалось множество стихов о красоте цветущих садов весной и о жарком лете. Но что же произошло?

Глаза невольно поднялись вверх, готические башни замка четко выделялись на фоне серебристо-голубого неба. С этим миром что-то случилось, какая-то катастрофа... И единственный способ узнать правду — это начать выходить за ограду. В задумчивости тереблю кулон на груди. Фиантен. Огненная птица. Фамилия семьи, что жила здесь, пока в один день, ровно в полдень, как показывали все часы в залах, время навсегда не замерло для них.

Возвращаюсь в замок и иду в комнату, где нашла в тот раз гардеробную и с балкона которой частенько люблю садом по утрам. Соседняя дверь рядом с этой комнатой заперта на ключ, эта деталь не давала мне покоя последние дни. Ведь все остальные залы и комнаты стояли широко распахнутыми, и только эта дверь не открывалась. Присаживаюсь и

заглядываю в замочную скважину. Темно, не видно ровным счетом ничего. Покрутила ручку, в надежде, что все же загадочная дверь откроется каким-то чудесным способом, но этого не случилось. На удивление совы в этот раз не желали помочь мне. Как только я обращалась к ним с вопросом, как войти в таинственную комнату, Белочка и Смуглянка предпочитали делать вид, что они просто птицы, глупые и несмышлёные, и не понимают человеческого языка.

Когда же приходил вечер, я по обыкновению поднималась в башню. Очаг к этому времени сам разгорался, таинственные символы тихо мерцали на веретене, и Смуглянка неизменно садилась на самое его острие и поворачивала голову в мою сторону.

— Ну уж нет, я даже не притронуся к этой странной штуковине, — тут же отвечаю.

А сама сажусь в глубокое кресло, укутываюсь теплым пледом и смотрю в окно. Белочка, словно кошка, опускалась на колени и давала почесать себя под крылышком, отчего перья ее смешно топорщились. Раны от укусов тех тварей давно прошли, не осталось даже шрамов, хотя я была уверена, что такие глубокие вмятины до конца не исчезнут. Так, поджав ноги, убаюканная треском дров и согретая теплом, засыпаю. И во сне вижу снова радугу в ладонях и белокурую девочку. Она смеется и зовет:

— Пойдем, Элая! Ну же!

На следующее утро, надев теплый плащ, чулки, сапоги и рукавицы, я решила выйти за ограду.

— Мне нужно знать, что за мир там, — объясняю совам.

Почему-то думала, что они примутся останавливать меня от этого шага, но на удивление, Белочка принесла фонарь, а Смуглянка красивый кинжал, лезвие которого покрывал рунический рисунок, а рукоять повторяла форму все той же птицы. Привязав его к поясу и сжав фонарь, подхожу вплотную к ограде.

— Выпусти меня.

И снова ветви и колючки раздвинулись, образовав длинную аллею.

— Ну что ж, Элая, если ты пришла в этот мир, значит прими свою судьбу, — шепчу под нос и ступаю вперед.

Глава пятая

Лес замер в торжественном безмолвии. Сегодня погода стояла ясная, насколько возможно назвать то явление, когда над головой ярким серебром переливался небесный купол.

Я шагала неспеша, то и дело замирая и прислушиваясь к звукам. Не появится ли сейчас из-за дерева та жуткая тварь? Но было тихо и спокойно. Казалось, что никакой ужас не мог таиться в стольком прекрасном месте, как этот великий лес.

Выдыхаю облачко пара и иду вперед. Воздух, морозный и тонкий, щипал в носу, иголочками колот щеки.

Глубокий капюшон моего тяжелого плаща был оторочен белым пушистым мехом, волосы я убрала в длинную косу, чтобы не мешали. Высокие сапожки на толстой подошве позволяли ступать свободно по глубокому снегу.

Взглянула на ветку сосны — Белочка и Смуглянка, мои верные спутницы, уже сидели там.

— Стоит ли мне снова идти в ту деревню? — спрашиваю их. И тут же сама отвечаю. — Нет, пожалуй, это не самая лучшая идея.

И тогда я решила поблуждать по лесу, хотя подобная прогулка совершенно не помогла бы мне в моей главной цели — узнать больше об этом мире. Мне нужно было с кем-то поговорить, но с кем? Ведь я считаюсь тут ведьмой. И перед глазами вновь встали события недельной давности. Если бы не мои быстрые ноги, то лежать мне горсткой пепла на снегу. От этой мысли холодок пробежал по спине, и я поспешила получше завернуться в плащ.

День, едва начавшись, уже близился к закату, серебристое свечение на горизонте медленно затухало. Чтобы понять, с какой именно стороны оно исходит, пришлось выйти из леса и взобраться на холм. К счастью, городок находился в другой стороне, и я могла не беспокоиться, что попадусь кому-нибудь на глаза.

Сложно ориентироваться в сторонах света без приложения на телефоне или обычного компаса. Знаю, что некие путешественники способны определять север по расположению звезд или по тому, как растет мох на деревьях, но в моем случае отсутствовало и то и другое. Ни звезд, ни мха не было. Даже солнца и того не было. Я напрягала глаза, всматриваясь в горизонт. Если есть свет, значит и есть его источник, и он настолько мощный, что способен хоть немного заменить людям светило. Интересно, сколько дней уйдет, чтобы дойти до того места, откуда исходит свет? Учítывая, что у меня нет ни машины, ни лошади, ни на худой конец волшебной метлы, путь предстоит долгий.

Устало вздыхаю и опускаюсь на пень, поставив мерцающий фонарь на снег перед ногами. Белочка послушно опустилась на плечо, а Смуглянка села на ветку и принялась поедать мышь, которую зажимала в когтях.

— Решено! — хлопаю кулачком по колену. — Соберу запасы, возьму еды и отправлюсь завтра в путь.

Это решение, несмотря на всю его очевидность, пришлось мне нелегко. Уйти далеко от замка означало подвергнуть себя опасности и даже гибели. Неизвестно, сколько подобных оберегов, как те деревянные волки, расставлено по дорогам и деревням? Но оставаться еще дольше в изоляции и просто бесцельно бродить по замку я больше не могла.

— Белочка, Смуглянка, пойдёмте! Поможете собраться мне в дорогу, — поманила

рукой сов.

Я вернулась в лес и пошла обратно по своим же следам, держа высоко фонарь. Каждое новое мерцание волшебного огонька зажигало на деревьях такие же точки света, так что я могла безошибочно найти путь до ограды, как вдруг лесную тишину нарушил чей-то плач.

Замерев на месте, принялась прислушиваться.

— Боже мой... — шепчу, — это же детский плач... Там ребенок...

Ноги сами понесли меня в сторону, откуда шел звук. И вскоре послышались еще и голоса.

— Отец! Нет!

Подхожу к толстому дереву и выглядываю из-за ствола. Там стоят люди с факелами, в центре мужчина богато одетый, глубокие тени пролегли у него под глазами, а лицо выражало печаль и непреклонность. Его держала за руку девушка. Золотистые волосы убраны в четыре косы, а на лбу красовался серебряный обруч. По ее щекам текли слезы. А у них в ногах лежала маленькая девочка, простоволосая и легко одетая, именно ее горький плач разносился по лесу.

— Отец, опомнись! — молила девушка, судорожно сжимая крепкую руку мужчины. — Как ты можешь поступить так с сестрой? Оставить ее одну здесь на съедение тварям?

Ее лицо в стремительно надвигающихся сумерках показалось мне необыкновенно прекрасным, в синих глазах горел огонь негодования.

— Ты знаешь, что я делаю это не по своей воле, Агнесс, — отвечал мужчина, пряча взгляд, — Мирею укусил вампир, а это значит, что после этой ночи она переродится в нечисть. Мой долг, как бургомистра, — сжечь ее. Вместо этого, я отпускаю ее на волю.

— Отпускаешь?! — вскричала Агнесс. — Ты бросаешь умирать родное дитя в лесу! Боги покарают тебя за такое!

— Боги?! — лицо мужчины исказила ярость. — Именно наши боги предписали, как поступать с подобными тварями — нет пощады, только огонь способен их уничтожить, пока они не пожрали человечество. Возвращаемся!

— Нет! — девушка бросилась к плачущей малышке и схватила на руки. — Тогда тебе придется оставить и меня тут. Я не брошу Мирею!

Ее отец уже сел на коня и дал какой-то знак слугам. В миг несколько человек схватили Агнесс и с силой оторвали ее от сестры.

— Нет! Оставьте меня! — вырывалась девушка, что было сил.

Но ее все же скрутили, с силой затолкнули в стоящие тут же закрытые сани и пустили лошадей.

От увиденной сцены сердце громко колотилось в груди. Я смотрела на брошенную девочку и слезы защипали глаза. Что за чудовищный мир я попала? Как можно бросать родное дитя?

Звуки копыт уже давно стихли, а я все не решалась показаться несчастному ребенку. Она наверняка напугается, увидев меня, но и оставлять ее, раздетую на морозе, тоже не дело. Сняв капюшон с головы, я наконец вышла из мрака деревьев. Глаза ребенка испуганно расширились при моем появлении. Сцепив ручонки на груди, она отбежала в сторону и вжалась в ствол.

— Послушай, не бойся меня, — начинаю спокойно, стараясь чтобы мой голос звучал ровно, — я не причиню тебе вреда. Я отведу тебя домой.

— Нет, — заплакала тут же девочка, — не подходи, нечисть! У меня обереги!

И она задергала ручонкой, на которой было навешано множество деревянных браслетов. Присаживаюсь на корточки.

— Тебя ведь зовут Мирей? А меня Элая. Приятно познакомиться, — и я дружественно протягиваю вперед руку и улыбаюсь.

Девочка затравленно таращится на меня.

— Убирайся! Я не пойду к тебе.

Обреченно вздыхаю. Собственно, чего я еще ждала? Еще бы, странного вида незнакомка тянет к ней руки посреди жуткого черного леса. Отец бросил, сестра не смогла защитить. Интересно, куда подевалась мать? Всматриваюсь и вижу черное пятно на груди девочки возле ключицы. Это и есть укусы вампира? Обереги не помогли?

— Послушай, — снова начинаю, стараясь подобрать слова, — с наступлением темноты здесь становится очень опасно. И признаться, — тут я приложила руку ко рту и произнесла заговорщицким шёпотом, — мне самой до жути страшно в этом лесу.

Малышка замерла, явно немного опешив от подобного признания нечисти.

— У меня даже имеется волшебный фонарь, — я гордо подняла его перед собой, показывая во всей красе, — стоит повести им в разные стороны, как загораются огоньки на деревьях, они показывают путь к моему убежищу, там, где ни одна жуткая тварь не может до меня добраться.

Девочка уже не выглядела такой напуганной, скорее очень удивленной, в глазках разгоралось детское любопытство. А когда ко мне слетелись Белочка и Смуглянка, из ее ротика вырвалось восторженное «Ух ты».

— Мирей, я знаю, что выгляжу как жуткая ведьма из страшных сказок, — продолжаю, жестом показывая Белочке, чтобы дала себя погладить ребенку, — но поверь мне, все, чего я хочу, это помочь тебе.

— Мне уже ничего не поможет, — всхлипнула Мирей, пальчиками проводя по перьям совы, — я укушена и скоро превращусь в вампира.

Черный укус и вправду выглядел жутко. Вены вокруг уже налились синим, яд расплзался по маленькому телу.

— Ты знаешь, я живу в одном странном месте, — задумчиво отодвигаю край воротника платья девочки, чтобы внимательно разглядеть укус, — там полно волшебных штук. Может быть, мы найдем способ, чтобы помочь тебе.

Глаза девочки загорелись счастьем.

— И я вернусь домой? Здоровой?!

Она схватила меня за рукав.

— Если мне удастся вылечить тебя, то я верну тебя родным, — улыбаюсь в ответ и протягиваю руку.

Мирей тут же кладет свою ладошку. Какая холодная!

— Знаешь, что, иди ко мне на руки, у меня теплый плащ, ты согреешься.

Девочка кивает и уже подошла ко мне, как вдруг где-то рядом послышался вздох и затем шепот.

Я напряглась, рука потянулась к рукояти кинжала.

Снова легкий вздох. Мы сидели посреди темных деревьев, покрытых снегом, и лишь мерцающий огонь фонаря отгонял мрак вокруг. Надо поскорее убираться отсюда.

— Мирей, иди на руки, — голос мой зазвенел от напряжения.

Но девочка не слушалась. Она замерла, глаза ее расширились.

— Там же мама! — вскричала она радостно и прежде, чем я успела среагировать, бросилась прочь в темноту.

— Стой!

Я побежала за ней. Шепот нарастал, превратившись в хор зловещих голосов. Смуглянка и Белочка накрывали меня своими крыльями. Наконец мгла стала абсолютно непроглядной. В отчаянии я крутила головой, стараясь не потерять Мирей, которая все также бежала, петляя между деревьями.

— Мама! — вырвалось радостное из ее груди.

Косматый туман запутался в темных зарослях, и из него проступили очертания женской фигуры в белом.

— Дитя мое, — протянула она руки Мирей.

— Не ходи! Это зло! — кричу что есть силы и хочу схватить ее за руку, но из темноты на меня что-то прыгнуло и потянуло за плащ.

В этот раз я не позволила застать себя врасплох. Недолго думая, выхватила кинжал и воткнула зубастой твари прямо между глаз. Лезвие засветилось, замерцало, и яркие лучи вырвались из глазниц твари, превращая ее тело в пепел.

Тем временем фигура женщины выступила из тумана: синие ввалившиеся щеки, жуткие глаза без радужки, только белки, из приоткрытого рта торчат клыки. Вампир.

— Мирей! Это не твоя мама! — кричу, отбиваясь от очередной твари.

Они черном потоком вылезали из мрака. Смуглянка и Белочка атаковали их сверху, царапая когтями, я, насколько позволяла мне моя проворность, протыкала их мерзкие тела. Но все же мне не хватало скорости, да и не обучал меня никто бою с холодным оружием.

— Идем ко мне, дитя, — шипела вампирша, — наша королева Дракайна будет рада принять тебя.

Мирей была под гипнозом этого голоса и шла на него, подобно мотыльку на огонь.

— Нет! — размашисто всаживаю кинжал в пасть одной твари, пока вторая уже вгрызается в мое плечо.

Их слишком много, я не смогу... Краем глаза вижу, как вампирша подняла на руки девочку, и та доверчиво прижимается к ее груди. И тут штук пять прыгают на меня и валят на снег. Огненная птица прожигает грудь, если бы только она могла вернуть свет, вернуть солнце! Тогда все бы эти жуткие твари исчезли... Вижу темное небо среди крон деревьев, там мерцает темная паутина... Понимаю, что это конец...

Легкая дрожь прошла по земле. Сначала чуть-чуть, но следующий толчок был невероятной силы. Твари оторвали морды от моего тела и встревоженно посмотрели в темноту. Вампирша с Мирей на руках замерла.

Еще дрожь и еще...

Твари испуганно взвизгнули и стали пятиться обратно в темноту. С трудом поднимаю голову, от многочисленных ран должна была уже давно потерять сознание, но почему-то еще держусь. Воспользовавшись тем, что вампирша похоже растерялась, бегу на нее и замахваюсь. Но она уже вытянула жуткую костлявую руку и, перехватив горло пальцами, сжала.

— Мирей, беги, — вырывается из моего горла клокотание. Но девочка была словно в обмороке. Глазки широко распахнуты, но ничего не видящие.

Меж тем земля продолжала дрожать. И из тьмы, в которую только что бежали твари, выступила высокая темная фигура. Ее лица не было видно.

— Здесь территория королевы Дракайны, — прошипела вампирша, продолжая сжимать мое горло ледяными пальцами, — повинуйся или сгинешь...

Фигура окончательно вышла из сумрака. Глаза мои уже поддернула пелена, но сквозь нее я все же смогла различить, что это был мужчина. Не знаю, что уж было в его облике, но вампиршу затрясло будто в припадке.

— Нет... — вырвалось у нее, — Не может быть!

Пальцы ее разжались, и я повалилась на снег, в самую последнюю секунду успев поймать Мирей, которую тоже выпустила вампирша.

Прижав ребенка к себе, отползла в сторону. Лицо мужчины было красиво и бесстрастно, глаза едва мерцали зеленым светом. Кто он такой? Тоже нечисть? Дележ территории и пищи? Не обращая внимания на раны по всему телу, укутываю Мирей в свой плащ и кладу рядом. Надо уходить отсюда. Глаза ищут сов и фонарь. И тут же замираю, ледяной ужас ползет по спине — Твари. Много тварей. Они зажимали в кольцо, окружали. Выползали из глубоких теней.

— Сегодня ты умрешь, и твое тело будет отдано верным вурдалакам, — шипела вампирша.

И твари разом кинулись на стоящего мужчину. Дальше я плохо понимала, что происходило, так как мое зрение явно было не столь совершенно, чтобы уловить передвижения черной фигуры. Мне казалось, я только успела сделать вдох, как последней твари была оторвана голова.

В следующее мгновение представшая картина поражала своей жутью. Этот человек стоял в кольце трупов с оторванными головами, а снег вокруг его ног пропитался кровью. Но несмотря на молниеносность его движений, лицо оставалось по-прежнему застывшим. Он повернулся к вампирше. Но та, изогнувшись и издав оглушительный визг, растворилась в косматом тумане.

Сердце грохочет в груди. Понимаю, что сейчас это нечто приметя за меня. Из последних сил поднимаюсь на ноги и хватаюсь за шершавый ствол ели. Черная фигура уже передо мной. И вот уже эти пальцы сжали мое горло, пытаюсь оцарапать руку, но она будто стальная. Он что-то делает со мной, мое тело начинает трясти и распадаться.

— Подожди... — пытаюсь произнести, но из горла вырывается лишь хрипение.

Бросаю взгляд на закутанную Мирей, она наконец-то закрыла глаза, умерла или спит? Чуть поодаль слабый огонек фонаря и трепыхающиеся две птицы. Белочка и Смуглянка. Значит и их достали твари. Уже ноги и руки превратились в пепел. Закрываю глаза.

— Ссс — вырвалось вдруг из груди мужчины.

Он отдернул руку, словно ожегся, тем самым выпуская меня.

Кашляя, вижу, как он смотрит на свою ладонь, и на его лице наконец-то проступает первая эмоция. Удивление.

Поняв, что каким-то немислимым образом, я спаслась от смерти, хватаю на руки Мирей, подбегаю к совам и кладу их прямо поверх девочки. Второй рукой беру фонарь и несусь сквозь лес, с ужасом боясь оглянуться и увидеть, как черная фигура преследует нас. Но нет, за нами никто не шел.

Добегаю до ограды, которая тут же расступается. С колотящимся сердцем, бережно несущи свои ноши. Добравшись до замка, падаю на ковер. Я смогла. Мы спасены.

Дрожащими пальцами касаюсь своих мокрых от слез щек и мокрой шеи, и вдруг странная догадка врывается в голову. Ту черную фигуру обожгли мои слезы.

Глава шестая

У Белочки и Смуглянки были прокушены крылья, поэтому бедняжки не могли лететь. К счастью, я смогла отыскать в этом замке чистые бинты и полотенца, единственно чего тут не было, так это то, чем можно обработать наши бесчисленные раны. Совы отчаянно трепыхались на полу в попытках взлететь. Я аккуратно положила их на ближайший диван и осторожно перетянула места прокуса, предварительно промыв чистой водой. Заживет. Должно.

Состояние же Мирей пугало меня еще больше. Глаза девочки закатились, все тельце покрылось липким нездоровым потом. Пальцем чуть приподнимаю верхнюю губу и вижу, что клыки отрасли. Она обращается в вампира... Из груди вырывается стон. Что же делать? Как ей помочь? И возможно ли это?

Судорожно сцепляю пальцами голову и мечусь по галерее туда-сюда, то и дело бросая взгляд на несчастного ребенка. Тьма меж тем окончательно покрыла землю, погрузив замок во сумрак. Конечно же за время, проведенное тут, я научилась довольно проворно обращаться со свечами и канделябрами, а также высекать искру из огнива, но все внутри меня заныло, так сильно мне захотелось подняться наверх в башню.

Вновь взяв на руки девочку и двух птиц, стала подниматься по лестнице.

В комнате жарко полыхал огонь в очаге, на столе дымился привычный набор блюд, а прялка приветствовала меня таинственным мерцанием, волной пробежавшейся снизу-вверх.

Перевязанные на скорую руку раны на моем теле, снова начали кровоточить, и, едва не падая от подступившей дурноты, успеваю положить Мирею и сов на кровать. Последние тут же спрыгнули на пол и бросились к прялке. Помогая себе клювом и когтями, Смуглянка умудрилась взобраться на свое привычное место на веретене, Белочка же села на педаль, что привело колесо в движение. Сияющие символы вспыхнули с новой силой и слились в один поток. Сквозь головную боль, различаю сияние огненной птицы. Фиантен.

Бессильно роняю голову на подушку, из самой большой раны на плече хлещет кровь. Надо найти что-то, чтобы перевязать... Что-то... Руками слепо вожу по кровати вокруг себя и нахожу плед. Стягиваю и прижимаю к ране.

— А!!!

Страшный жар пронзил тело. Сорвав рукав платья, вижу, как места, к которым прикоснулся плед, сами собой стягиваются.

— Не может быть... — шепчу потрясенно. Эта ткань способна лечить раны? Так вот почему в первую ночь я так быстро исцелилась — я спала под этим пледом!

Недолго думая, притягиваю Мирей и нажимаю тканью прямо в место укуса на груди. Задерживаю дыхание. Пульс бьется в висках. Я жду. Но ничего не происходит. Рана не затягивается. Но почему? Ткань помогает от укусов вурдалаков, но бессильна против укусов вампира? Шире раскрываю ворот платья девочки, стараюсь, чтобы плед покрыл ее всю. Ничего. Как же я устала от этих тайн и загадок!

В раздражении отшвыриваю ткань в сторону и замираю. Прямо под ребрами Мирей, в месте, где находится сердце, что-то светилось. Осторожно провожу рукой, и тут же мне вокруг пальца наматывается тонкая нить. Замираю, не веря собственным глазам. Но это так. Прямо из сердца девочки тянется нить, и я держу ее.

Гулкое «Уфф» заставляет вздрогнуть и взглянуть на сов, сидящих на прялке. Безумная

мысль пронзает все мое существо подобно молнии с небес. Встаю, все еще держа нить Мирей, и тянусь к прялке. Едва мои пальцы касаются веретена, как символы вспыхивают и приходят в танец. Наматываю на веретено сияющую нить и ногой нажимаю на педаль. Колесо двигается быстрее, символы горят огнем, и от него зажигается нить, а затем и все тело Мирей охватывает пламя, будто коконом. От движения прялки вся комната начинает ходить ходуном, с полок падают книги и различные предметы, кажется еще чуть-чуть, и замок рухнет, погребя нас под тяжелыми серыми камнями, но вот мгновение — и все замирает.

С трудом переведа дух, кидаюсь к Мирей и тут же зажимаю рот рукой, чтобы остановить рвавшийся крик. Укус вампира исчез.

Сползаю на пол, обхватываю колени и прижимаюсь к ним лбом. Где-то глубоко внутри растет и крепнет уверенность, что этот ребенок будет спасен. А все произошедшее можно проанализировать и завтра. От усталости валюсь на пол и засыпаю.

Утро наступило слишком скоро, так по крайней мере показалось моему измученному телу. Сначала усилием воли открываю один глаз, а затем второй. Серебристо-серый свет струится сквозь окно. Тихо. Со стоном поднимаюсь и оглядываюсь по сторонам. Ни Белочки, ни Смуглянки поблизости нет. Мирей все так же лежит на спине на кровати. Опускаюсь возле нее и тщательно осматриваю. Место, откуда вчера тянулась нить тихо светилось. А на месте укуса появилась здоровая розовая ровная кожа. Спокойное дыхание говорило о том, что девочка просто спит.

Длинный выдох вырывается из легких. Языком провожу по пересохшим губам и понимаю, что мучительно хочу пить. Подхожу к столу-самобранке и залпом выпиваю ставший таким привычным клюквенный морс. Валюсь в кресло и долго смотрю вперед. Мне нужно было уже привыкнуть к необычным вещам и событиям, происходящим со мной в этом мире. Но это?! Прялка, способная лечить людей нитями, идущими от сердец? Разве такое возможно? Голова разрывалась, и я сдавила ее руками. Сколько еще тайн хранит это место? А тот лес? И мне вспомнилась та вампирша в белом и юноша, так легко разделавшийся с полчищами вурдалаков. Кем он был? Почему спас нас? Или же, наоборот, пытался меня убить? Но его остановили мои слезы...

— И снова сплошные вопросы и никаких ответов, — со стоном бормочу под нос, устало прикрывая глаза и откидывая голову. Как мне жить в этом мире, о котором я знаю так мало? Все, что мне встречалось до сих пор, это мрачное отчаяние и темнота.

Поворачиваю голову и вижу личико Мирей в россыпи золотистых кудрей. Они похожи с сестрой. Агнесс. Так горячо она молила отца, чтобы не бросал дочь умирать в лесу. И мужчина, черный от горя, все равно пошел на этот страшный поступок. Чтобы выполнить долг, чтобы не ослушаться грозных богов этого мира, лишённого света солнца.

Думала, что усну, но вместо этого продолжала любоваться лицом девочки. Невероятное счастье разливалось внутри, когда я видела, как она меняется. Розовеют щеки и губки, тело наполняется здоровьем. Когда проснется, первым делом надо ее хорошенько накормить. И тут же поднимаюсь на ноги и бросаю быстрый взгляд на стол. Ветчина, хлеб, масло, яйца, клюквенный морс. Привычный набор, но такой скудный.

— Надо бы приготовить чего-нибудь еще, — решаю, направляясь к выходу, — и заодно отыскать сов.

Я почти уже вышла, как вдруг взгляд упал на веретено. Оно продолжало сиять, правда, не столь ярко, а возле самого его основания что-то переливалось. Завороженная этим

светом, подхожу ближе и вижу маленькую радугу. Тяну руку, хочу прикоснуться к этому чуду, заморозившему меня, но тут радуга, словно живая, подпрыгнула и полетела прочь из комнаты.

— Подожди! — кричу ей вдогонку и бросаюсь следом.

Радуга несётся вниз, хаотично мечется от пола к потолку, ударяясь о стены и отскакивая от них, оставляя радужный след и брызги. Миновали второй этаж, далее лестница на первый. Радуга сияет, замирает и бросается вперед с новой силой. Вот и сад. Эта часть еще не была мною обследована. Здесь росли высокие белоствольные платаны, переплетая ветви, они образовали над головой великолепный зеленый шатер, сквозь который серебрилась небесная паутина.

Радуга замерла в траве под одним деревом. Опускаюсь и внимательно смотрю. Радуга забилась, запульсировала и ушла в землю, словно вода. Пальцами начинаю рыть в этом месте, к счастью, земля была рыхлая, напоминавшая песок. Сердце бьется быстро-быстро, во рту пересохло. Замок вновь пытается мне что-то сказать. Раскрыть очередной свой секрет. И я должна знать, что это.

Находка не заставила себя долго ждать, уже через пару минут пальцы нащупали какой-то предмет. Немного усилий, и вытаскиваю из земли деревянную шкатулку.

Устало опускаюсь на траву и вытираю пот со лба, градом стекающий на щеки. На крышке инициалы: "А.Ф". Дрожащими руками нажимаю на защелку, которая не хочет поддаваться, так как забилась землей и заржавела от времени. Немного попрыгав и сломав последний ноготь, я все-таки справилась с замком и откинула крышку.

Внутри лежали какие-то безделушки. Высушенный букетик фиалок, сломанные цветные карандаши, несколько картинок, нарисованных детской рукой, на одной из них была выведена фраза: «я люблю Элю». Далее несколько вырезанных из дерева фигурок животных, а на дне... Тут мое сердце пропускает удар, так как там лежал старинный ключ, немного потемневший от долгого нахождения в земле. Едва дыша, кладу его на ладонь и долго рассматриваю. Я уже знаю, от какой он двери. Единственной во всем замке, которая оставалась заперта. До сегодняшнего утра...

— Уффф! Уффф! — раздается над головой.

Резко поднимаю глаза и весело улыбаюсь. Белочка и Смуглянка сидят на самой нижней ветке и внимательно за мной наблюдают.

— Кажется, ваши крылья в порядке? — спрашиваю, и словно в ответ, совы встрепенулись и взлетели на самую макушку платана.

— Ох, негодницы, — качаю головой, а сама продолжаю сжимать ключ.

И ноги сами понесли меня обратно в замок. Быстро миновала зал, поднялась на второй этаж.

Возле загадочной двери замираю, испугавшись и растерявшись. Что я найду там? Поможет ли мне найденное там понять, что случилось с этим миром? По телу пробегает дрожь и замирает в пальцах, сжимающих ключ.

— Ну же, Элая, ты должна, — шепчу себе и вставляю ключ в замочную скважину.

Глава седьмая

Дверь с тяжелым скрипом распахнулась. Зияющая темнота дыхла на меня холодом и тем особенным запахом давно покинутого места. Желудок сжимается от страха, а руки невольно тянутся к огненной птице на груди. Я знаю, что этот замок никогда не навредит мне, и что даже в самом темном и зловещем месте его готических залов я найду спасение и защиту. Но все же... Эта комната наводила ужас. Он ледяной змеей прополз по позвоночнику, вызвав дрожь по всему телу.

Несколько минут я просто стояла и не решалась войти. Наконец поняв, насколько это глупо, пошла в соседнюю комнату и вернулась с канделябром, на котором мерцали четыре толстые белые свечи. Набрав воздуха в грудь, делаю шаг в комнату.

Таинственный свет свечей был бессилен против густого будто чернила мрака. Лишь изредка проступали бледные лица дам и королей со старинных, потемневших от времени гобеленов, висевших на стенах. Воздух тяжелый. И эта глубокая, гнетущая тишина, словно я глубоко под землей или же... в склепе.

Пытаюсь понять, в которой стороне находится окно, чтобы распахнуть его. Под ногами что-то валяется. Ступаю вперед, и тут же раздается хруст. Присматриваюсь. Это стекло. А точнее разбитое зеркало. Мелкие осколки покрывали весь пол вокруг, и, отражая пламя свечи, мистически мерцали. Нагнувшись и подсвечивая себе, следуя за осколками и натыкаясь на туалетный столик с зеркалом в серебряной с позолотой оправе, именно его осколки были рассыпаны по полу, а на самом столике царил страшный беспорядок. Разбитые пудреницы, флаконы из-под духов, маленькие зеркальца в красивых оправках, тоже все разбитые.

Осторожно ставлю канделябр на пол, а сама опускаюсь на чудесный пуфик, когда-то из белоснежного бархата, теперь же пожелтевший от пыли и влажности, внимательно осматриваюсь. Толстый слой паутины покрывал и сам столик, и предметы на нем. Под ворохом осколков замечаю листы бумаги. Боясь пораниться, двумя пальцами вынимаю листы.

На первом я увидела карандашный набросок: стоя ногами на больших качелях, подвешенных к огромному дереву, там качались юноша и девушка. Их лиц невозможно было разобрать. Ветер развевал их волосы и полы одежды. Художник мастерски несколькими штрихами передал легкий свет, пробивавшийся сквозь листву, воздух и атмосферу необыкновенного счастья. Глаза так и замирают на этом необычном рисунке. Где-то глубоко в середине сердца что-то болезненно ёкает и пульсирует. Медленно провожу рукой по линиям. Толстый слой пыли и пудры въелся в бумагу, отчего ее края завернулись. С трудом оторвав взгляд, перехожу ко второму листу — дерганным неровным почерком там было выведено старинным почерком следующее: «Что же я наделала?! Это все моя вина! От ныне и навеки я проклята! Элая, прости меня! И помоги! Помоги мне... молю...». Ком подступил к горлу, сама не замечаю, как плачу. Кто ты, что так жаждешь моей помощи?

И тут в комнату с размаху влетают Белочка и Смуглянка, и начинают носиться над головой, изредка попадая в узкую полоску света, отбрасываемого на стены свечами. Кладу найденные листы в карман. Там уже лежат, найденные мною в кабинете на первом этаже бумаги. Но почерк был не похож. Фраза об уничтожении всех пяти явно принадлежала мужской руке. Совы между тем подлетели к противоположной стене, скрытой во мгле, и

принялись биться об нее крыльями.

Спешно поднимаюсь и беру в руки канделябр. Высоко поднимаю его над головой. Это были деревянные глухие ставни. Так вот почему здесь так темно! Белочка и Смуглянка продолжали настойчиво царапать доски, призывая меня как можно скорее убрать их. Уже давно решив про себя, что лучшее — это всегда слушаться моих крылатых спутниц, хватаю ручки и тяну доски на себя. С тяжелым скрипом, ставни поддаются, но за ними оказались плотные гардины. Что же это?! Почему эта комната была наглухо заколочена? Отдергиваю пыльную ткань и замираю. Окно было разбито... Прямо из отверстия впервые за долгое время в комнату ворвался ветерок, обдавая волной свежести и прогоняя прочь затхлость. Тихий свет, пробивавшийся сквозь паутину, осветил помещение. Поворачиваюсь и ахаю. Здесь не было ничего. Никакой мебели, за исключением того самого туалетного столика. Вдоль стен стояли картины в тяжелых дорогих рамах. Приблизившись, я поняла, что это были портреты. Но какие-то странные. Все холсты были исполосованы ножом, словно кто-то желал вырезать чье-то изображение.

Мне становится жутко от вида этих изуродованных картин, и я отступаю к дверям. На сегодня более чем достаточно. Пора вернуться к Мирей. Малышка должна уже проснуться и, наверняка, она до смерти испугалась этого мрачного замка. Ступая по стеклу, спешу к выходу, стараясь больше не смотреть на столик и разбитое зеркало. И тут замечаю под ногой красивый пергамент. Он был примечателен тем, что по краю был вышит серебряными нитями, а надпись выведена золотыми чернилами.

— Герцог и герцогиня Фиантен с радостью в сердце сообщают, — начинаю с запинкой читать наполовину стертый текст, — что в пятый день месяца Паладина их дочь, Элая Аврора Фиантен, будет обвенчана с его высочеством, принцем...

Дальше пергамент был выжжен. Белочка опускается рядом и поворачивает голову под тем особым углом, который отличает сов от остальных птиц. Стараясь не замечать ее пронзительного взгляда, ухожу из комнаты. Сегодня возьму швабру и ведро воды и хорошенько уберусь тут. Принесу свежие цветы, поставлю хорошую мебель из соседних комнат. Пусть это будет началом моей помощи той, что так ее ждет от меня.

Поднимаюсь в башню и нахожу Мирей сидящей на столе-самобранке и с аппетитом уплетающей хлеб с маслом. Я страшилась, что при моем появлении, девочка испугается, но нет, наоборот, детское личико озарила счастливая улыбка, а глазки засияли.

— Ты пришла! Скорей отрежь мне кусок ветчины! Я жутко голодная.

— Хорошо, — невольно смеюсь такой детской непосредственности.

И, сделав толстый бутерброд для Мирей, стала наблюдать за тем, как она уплетает его за обе щеки.

— Как я и обещала, — говорю после паузы, — что, если смогу вылечить тебя, то верну домой. Думаю, завтра я отнесу тебя к мосту.

Малышка перестает есть, глазки становятся серьезными.

— Я не хочу, — срывается вдруг с дрожащего ротика, — я не хочу домой...

Глава восьмая

От изумления на время пропадает дар речи. Внимательно смотрю на Мирей. Личико грустное, бровки хмурятся. Остатки того, что когда-то было платьем, свисали с плечиков девочки, оголяя живот и грудь. Лучше пока не спрашивать ее о том, почему ей не хочется обратно.

— Пойдем, поищем тебе новую одежду, — протягиваю руку, неуверенная, что ее возьмут. Но на удивление мягкие теплые пальчики крепко обхватили мою ладонь.

Мы спустились по каменной лестнице на второй этаж, Мирей то и дело вертела головой, останавливаясь взглядом на высоких витражах, на тяжелых светильниках и таинственных статуях в глубоких нишах. Пустые и торжественные залы. Она довольно быстро приходила в себя, и я внутренне радовалась, что замок вызывает в ней живой интерес, а не ужас.

— Святые боги, — вырвалось с ее губ восторженное придыхание, — даже дворец нашего короля Джеральда Октомского не столь величественен.

Мы двигались по длинному коридору, справа на белый пол струился тусклый свет сквозь разноцветные стекла, слева открывалась анфилада богатых спален и гостиных, обставленных со средневековой роскошью, мрачной и притягательной одновременно.

— Мирей, ты бывала в столице? В Вест-Лее? — просиживание часами в библиотека замка позволило составить довольно подробную картину устройства этого мира, но все же почерпнутых знаний явно недостаточно. Возможно, именно Мирей объяснит все те странности, с которыми я столкнулась с момента своего появления здесь.

— Вест-Лей? — переспросила Мирей и ее бровки озадаченно поднялись. — Но столица Нордесса зовется Цитрин.

Ноги сами собой замедляют шаг.

— Цитрин? — переспрашиваю, неуверенная, что правильно расслышала.

Девочка кивает и продолжает с разинутым ртом задирает голову кверху.

— Как давно столицей стал этот город? — я окидываю взглядом Мирей. Лет семь, может чуть больше. Учитывая высокий статус ее отца, наверняка, у нее уже есть учителя, которые успели поведать много важной информации.

— Не знаю, — пожимает плечиками Мирей, — уже очень давно. Еще мой дедушка защищал ее от наступления северных полчищ с моря.

Мы дошли до спальни, в которой находилась большая гардеробная. Возможно, здесь же найдется что-нибудь подходящее и на маленькую девочку?

Мирей с придыханием остановилась в дверях комнаты, словно перед входом в святилище. Маленькое личико так и сияло от восторга.

— Элая, ты живешь словно заколдованная принцесса в заколдованном замке посреди заколдованного леса.

— Не слишком ли много «заколдованного»? — рассмеялась я, открывая секретную дверь в гардеробную.

Раскрасневшаяся от восторга, девочка захлопала в ладоши и закружилась вокруг расставленных платьев, тихо мерцающих в свете комнаты. А когда с громким уханьем влетели Белочка и Смуглянка и уселись на огромное зеркало, восхищение Мирей достигло апогея.

— Ой, а у тебя совы живут? А как их зовут? А они ручные? Можно потрогать?

Этот поток вопросов прервался только тогда, когда Белочка опустила на плечико Мирей и дружелюбно ткнула клювом в щеку. Боясь пошевелиться и не спугнуть птицу, девочка, едва дыша, провела ладошкой по крылу совы.

— Такое мягкое! — заявила она с сияющими глазами.

Пока Белочка терпеливо позволяла девочке наглаживать себя, а Смуглянка предусмотрительно держать дистанцию, оставаясь на зеркале, я обошла всю гардеробную вдоль и поперек, залезла во все сундуки и порылась в бархатных мешках. Детской одежды не было. Обреченно вздыхаю. Все можно найти в стенах этого замка, даже зачарованную чудо-прялку, лечащую от укусов вампиров, а вот обычного детского платица или на худой конец брюк с кофтой и не сыскать.

Задумчиво потираю подбородок. Жаль, что в своей той жизни я работала в маркетинговом отделе скромной служащей, а не была портнихой, тогда бы сейчас мне ничего не стоило скроить что-нибудь для девочки. Неожиданная волна воспоминаний нахлынула и поглотила с головой. Где-то под сердцем тоскливо заныло. Так захотелось обратно в современный мир. Пускай там меня окружала лишь серая безнадежность и борьба за выживание, за выплачивание ипотеки, но ход вещей был прост и понятен. Здесь же... Слишком много магии и странностей. И опасностей, от которых иной раз не видно спасения и защиты.

Пока я придавалась воспоминаниям прошлого и параллельно пыталась отыскать что-то похожее на детскую одежду, Мирей окончательно подружилась с совами. Она принялась гоняться за ними сначала по гардеробной, поднимая столбы пыли, а затем выбежала из комнаты и стала носиться по коридорам. То и дело доносился звонкий детский смех и грохот очередного перевернутого стула. Поскольку мне еще ни разу не приходилось заниматься воспитанием ребенка, я понятия не имела, как урезонить дочь бургомистра, а заодно напомнить совам, что они между прочим находятся в заколдованном замке, который охраняют.

— Ой, а тут что?! — воскликнула Мирей. — Фу, как здесь намусорено и сколько стекла!

Мое сердце екает, так как понимаю, что девочка добралась до тайной комнаты, которую я оставила открытой, чтобы проветрить.

— Постой! Не ходи туда! — кидаюсь в коридор, путаясь в длинной юбке и держа в руках кусок ткани, из которого решила скроить что-то наподобие платья.

Но пока я бежала, хруст стекла под маленькими ножками сообщил мне, что Мирей уже вошла, и что совы что-то одобрительно ухают. Вот же глупые птицы! Она же может порезаться!

— Мирей! Не стоит тебе тут находиться!

Влетаю в тот момент, когда девочка стоит у стены и с любопытством рассматривает один из разрезанных портретов. Приближаюсь и осторожно беру девочку за руку.

— Пойдем, попробую соорудить тебе новую одежду, — тяну ее в сторону выхода.

— Это же Клерстар, — говорит она задумчиво.

— Что? — недоуменно хлопаю глазами и перевожу взгляд на картину.

Сохранившаяся часть изображает город, утопающий в зелени и цветущих садах, высоко над крышами раскинулось голубое небо, и яркое солнце, золотые лучи отражаются в водной глади реки, опоясывающей город. Эти дома...

— Мирей... — вдруг замираю от догадки, — здесь же изображен твой город...

Девочка переводит на меня озадаченный взгляд, маленькие бровки так и ползут вверх.

— Ты что же даже не знаешь, что город, в котором мой отец бургомистр, называется Клерстар?

Я знала об этом, потому что читала в книге об Нордессе, и все же мне и в голову не приходило рассматривать портреты у стены. Один вид исполосованных холстов отзывался неприятным спазмом в животе. В каком страшном безумии находился тот, кто сотворил такое? И зачем?

Оборачиваюсь и окидываю взглядом комнату. Разбитый туалетный столик, выбитое окно, словно кто-то одержимый крушил все, что попадалось под руку. «Элая, помоги мне. Молю...» Этот шепот, словно шелест листвы в саду пробежал по позвоночнику и застыл в голове. Закрываю глаза, борясь с подступающей дурнотой.

— Помоги! — крик уже разрывает голову, с силой сжимаю голову и, стараясь не упасть, опускаюсь на колени.

— Элая! Тебе плохо? — кричит напуганная Мирей, но ее голосок доносится словно сквозь плотную пелену.

С силой сжимаю виски, моя голова разрывается и вижу под ногами то приглашение на свадьбу. «В пятый день месяца Паладина их дочь, Элая Аврора Фиантен, будет обвенчана с его высочеством, принцем...» Голову сжимает стальное кольцо, в глазах темнеет, падаю прямо на осколки.

Вижу красивую женщину в голубом платье, ее густые светлые как день волосы заплетены в сложную прическу и украшены жемчугом.

— Мама, что ты делаешь?

Она оборачивается и улыбается, раскрывая руки.

— Элая, дитя мое, — и я бросаюсь к ней на грудь и прижимаюсь щекой. — А я как раз складываю детские вещи, — женщина кивает на большой резной сундук, в который старательные слуги укладывают маленькие платьица и пальтишки, — как же быстро дети растут, — вздыхает женщина, а потом останавливает на мне внимательный взгляд голубых глаз. — Ты уже сообщила ей?

— Еще нет, — машу головой, вдыхая грудью любимый аромат.

— Тогда поспеши, — целует в макушку.

И я бегу наверх и толкаю высокую тяжелую дверь. Сердце так и стучит в груди от ликования.

— Ареса! — зову.

В комнате темно, горит лишь одинокая свеча. Смотрю по сторонам, щеки красные, дыхание прерывается от бега. Я должна скорее сообщить ей об этом! Тусклый белый силуэт проступает из темноты, невольно вздрагиваю от испуга. Но тут же узнаю.

— Ареса! — кидаюсь и сжимаю холодные пальцы. — Он сделал предложение! Сегодня, когда мы гуляли в саду! Так и сказал, что не может жить без меня, что я любовь все его жизни и еще...ах, — сжимаю горящие щеки и кружусь по комнате.

Но Ареса молчит, и тут до меня доходит, что она не произнесла ни слова, с момента, как я вошла.

— Что с тобой? — спрашиваю, окидывая ее взглядом.

Стоит неподвижно в белом платье и вдруг поднимает глаза...

И, вскрикнув от ужаса, прихожу в себя. Белый каменный свод, под спиной осколки и распухшее от долгого плача лицо Мирей. Белочка и Смуглянка неподвижно сидят на раме

картины и смотрят тем таинственным взглядом, который мне уже порядком надоел.

— Элая! Ты жива! — девочка ладошкой растирает слезы и кидается мне в объятия. — Я думала, что ты умерла! Ты раз — и упала! Совсем как мама!

Маленькое тело сотрясает от рыданий, я же пытаюсь привести расстроенную голову в порядок.

— Пойдем, — говорю хрипло, — мне кажется, я знаю, где мы сможем найти тебе одежду.

Сундук с платьями нашелся в одной из комнат. Точь-в-точь как в моем видении. Проводя рукой по расшитой золотом и стеклярусом ткани, чувствую дрожь в пальцах.

— Ой, какие наряды! — восклицает девочка, заглядывая в сундук.

Мирей сама тыкнула пальчиком в платье, которое приглянулось ей больше всего: на тяжелой парче вышиты разноцветными нитями птицы фиантен. Там же нашлись чулки и даже сапожки с золотыми пряжками. И отороченное мехом пальто. Но венцом всего стала белая муфточка.

— Ах, какая красота! — кружилась Мирей возле зеркала. Глазки сверкали, щеки алые. Наряд и вправду сел отлично. Совы сидели на спинке кресла, одобрительно кивали головами и тарасили желтые глазищи.

Все в этом замке восхищало девочку. Особенно то, что погода в зачарованном саду была другой.

— Вот это волшебство! — звонко хохочет она, бегая босой по зеленой траве. — Нет снега! Совсем! Ни снежинки! Элая, ты волшебница! Добрая фея!

Я смеюсь и раскладываю на широком плете тарелки с яблочным пирогом, который мы приготовили сегодня утром на кухне. Было решено устроить пикник. Девочка подбегает и плюхается рядом со мной и тут же откусывает большой кусок.

— Ну же, Мирей, — качаю головой, вытирая салфеткой ротик, — ты же дочь бургомистра, не забывай о манерах. Что скажет твой отец и сестра, когда увидят, что ты ведешь теперь себя, как дикая обезьянка?

— Как кто? — не поняла Мирей, вытаращив глаза.

Я открыла было рот и тут же его закрыла. Ну может в этом мире не водятся обезьяны...

— Как дикий единорог, — поправляю себя, и вот теперь уже Мирей презрительно фыркает, но уже понимает, что имеется в виду.

— Какая разница, я все равно не вернусь домой, — заявляет упрямо, снова набивая рот, так что того и гляди треснут щеки.

Я выдыхаю и смотрю на девочку. Уже почти неделя, как она живет здесь. Ничто не напоминает в этом бойком здоровом теле тот день, когда Мирей умирала, превращаясь в вампира.

— Тебе надо домой, отец и сестра любят тебя, и они будут счастливы... — осторожно начинаю.

Но Мирей тут же крутит головой, отчего ее золотистые кудряшки приходят в движение и подпрыгивают, словно тоже против.

— Нет-нет, отец никогда не поверит, что я излечилась. Еще никому не удавалось избежать обращения после укуса. В добавок, совсем скоро в наш город пребывает король. Отец не захочет держать меня рядом. Меня, кто в любой момент может оборотиться в монстра и напасть на короля и его свиту.

Мы сидим в саду под белоствольными платанами. Легкий ветерок теребит листву,

застревая у нас в волосах. Свежо и тихо. И так тепло. Но стоит поднять голову и посмотреть в сторону темной ограды, как увидишь белую бурю и ненастье. Сейчас крыши и шпиль Клерстара покрыты снегом, а в замке бургомистра жарко топится очаг. Только вот хозяин невесел, мрачная дума легла на чело бургомистра, ведь семь дней назад он лишился своей младшей дочери, своей Мирей.

— Послушай, — беру ручку девочки и смотрю в глаза, — я уверена, что твой отец отдаст все на свете, лишь ты была с ним рядом в этот час. Ведь ты его дитя, и он любит тебя всем сердцем! А твоя сестра. Агнесс! Уверена, она будет счастлива, когда увидит, что ты жива и здорова.

Мирей смотрит в сторону, темные ресницы дрожат. Вижу, что она хочет домой. Но боится. Боится, что родные снова отвернутся от нее, не поверив в чудесное выздоровление.

— Ты пойдешь со мной? — спрашивает дрожащим голосом.

— Мост не пропустит меня, но я доведу тебя до деревянных стражей, — отвечаю, окрыленная этой маленькой победой.

На следующее утро мы тепло оделись, готовые отправиться в город. В большую плетеную корзину я сложила, свернутые в чистое полотно, яблочные и вишневые пироги и вертушки, которые мы с Мирей напекли накануне. Несмотря на страх перед реакцией отца, я видела, то нетерпение, которым горели детские глазки. И теперь, глядя на высокую ограду, розовые щеки Мирей побледнели.

— Сегодня ты возвращаешься домой, — нежно шепчу, заправляя в меховую шапочку золотую прядь.

Девочка встречается со мной взглядом, и улыбка трогает ее губы.

— Я хочу, чтобы ты пошла со мной домой и встретила нашего короля, — ее ручка уверена взяла мою ладонь, — ведь именно в этот год наш город был избран богами для пребывания в нем Священного Цитрина.

Сказанное девочкой так поражает меня, что даже роняю из рук фонарь, принесенный Белочкой для того, чтобы выходить за ограду.

— О чем ты говоришь? Священный Цитрин? Разве так не зовется столица?

Мирей склонила головку на бок, видимо дивясь тому, что такая взрослая тетя не знает элементарных вещей, по которому живет этот мир.

— Столица названа в честь одного из семи священных камней, оставленных богами после их ухода. Эти камни даруют свет и тепло. Раз в год волхвы в храме бросают жребий, и какой город выпадет, тому и становится хранителем Священного камня на целый месяц.

Из груди Мирей вырывается вздох облегчения.

— На целый месяц мы забудем, что такое снег и холод, а лед на реке наконец-то растает.

Мы шли уже по зачарованной аллее в сторону леса, а я все ника не могла до конца постичь сказанное Мирей. Значит вот почему свет струится из-за горизонта! Потому что столица — хранительница Священного Камня, дарующего тепло.

Едва толстые шипы переплелись у нас за спинами, как в лицо бросило снегом, а щеки закололо от холода. Здесь уже наступили темные сумерки. Лес, мрачный и злой, обступал со всех сторон. Но при мне был мой зачарованный меч и фонарь, в добавок небесная паутина еще мерцала, а те твари выползали именно с наступлением полной темноты. Время есть. Но надо торопиться.

Беру девочку за руку и, мы бодро шагаем по серебристому хрустящему снегу. К счастью,

дорогу до города одинаково хорошо знала, и Мирей и я, поэтому уже вскоре из-за стволов замерцали огоньки Клерстара.

— Ох, Элая, — вдруг сжалась Мирей, — а вдруг отец прогонит меня? Вдруг я тоже не смогу перейти мост, как нечисть?

Девочка в волнении замерла. Ее взгляд был устремлен на чернеющий горбатый мост, охраняемый деревянными волками.

Присаживаюсь на корточки, чтобы оказаться лицом к лицу с Мирей и касаюсь рукой ее щечки.

— Все будет хорошо, — улыбаюсь, стараясь в этот момент передать ей всю свою веру, — я видела твое сердце. Ты человек, не нечисть.

Глазки девочки загораются счастьем. Она кивает и уже хочет пойти вперед, как вдруг тишину пререзает истошный крик, переходящий в визг. Вздрагиваю и хватаюсь за рукоять кинжала. Что это еще такое?

— Мирей, беги скорее к мосту, — говорю, загораживая девочку собой, — возвращайся к родным.

Боковым зрением вижу глаза Мирей. Большие и испуганные.

— Нет! — хватает меня за рукав. — Ты обещала, что доведешь меня. Обещала! Я тебя не брошу.

Что-то шевелится в темноте, загорается, дышит.

— Беги! Мирей! — кричу и с силой выталкиваю девочку в сторону дороги, ведущей к мосту.

И в это самое мгновение дрожь, словно дыхание пробегает по земле, замерев в пальцах ног. И из сумрака выступает высокая мужская фигура. Это был он, тот кто спас нас тогда от вампирши и вурдалаков. Красивое лицо замерло, белые словно снег волосы мерцают от инея.

— Ты не можешь приближаться к городу, нечисть, — голос, глубокий и ровный, — ты должна умереть.

Вынимаю кинжал, он весь переливается от рун и таинственных символов. Сегодня я не сдамся.

Глава девятая

Тень выступает еще сильнее. Теперь фигура мужчины видна целиком. Спазм сдавливает горло, когда понимаю, что он сжимает в одной руке вампиршу в белом балахоне, она похожа на ту, что тогда чуть не утщила Мирей. Ее глаза без радужки страшно вытаращены, и на них проступили синие прожилки. Мужская рука душила нечисть, из горла вырывалось бултыхание:

— Наша королева... Дракайна... она придет... Уничтожит... всех...

Судорожно сжимаю рукоять кинжала и не позволяю панике овладеть сознанием. Мужчина в черном меж тем пробил другой рукой грудь вампирши и вырвал сердце. Не было крови, только глухой звук, словно сломался трухлявый пень. Но даже после этого вампирша продолжала извиваться, пытаясь вырваться.

— Проклятые боги! Они не придут! Королева не позволит!

Сердце в руках мужчины черное-черное, нет ни единого огонька или искорки в нем. Темное сердце нечеловеческой нечисти. Мужчина меж тем равнодушно отбросил тело вампирши на снег и стал смотреть, как она корчится и кричит. Подул ветер и смел ее плоть, а кости рассыпались, и их тут же замело снегом. С леденящем ужасом я наблюдала эту картину, но, когда светящиеся зеленые глаза мужчины впились в мое лицо, внутри все сдавило — теперь он примется за меня. Мелькнув бесшумной тенью, он оказался перед моим лицом.

— Тебя не должно здесь быть, — этот низкий голос, отозвался странной вибрацией в теле.

Я смотрела на него, и почему-то глупые мысли лезли в голову. Вдруг заметила много деталей его образа, которые пропустила в первый раз, как то, красивую серебряную сережку в ухе и расшитый серебряными нитями воротничок-стойка черной куртки, и белые, как снег, пряди, спадавшие на лоб. Он был словно создан для этого холодного мира, скованного морозом и льдом. Даже пахло от мужчины чем-то льдистым и свежим, так может пахнуть только зимний ветер, неистовый и злой, приносящий за собой бурю.

Завороженная светом зеленых глаз, не могу пошевелиться, хотя все внутри кричит о том, что надо бежать.

— Я здесь не по своей воле, — говорю вдруг. Неужели мой голос прорезался?

Он стоит так близко, что его горячее дыхание щекочет мне лицо. На секунду мне показалось, что растерянность мелькнула в его глазах.

— Как тебе удалось обжечь меня? — вдруг спрашивает озадаченно. — Что это за магия? Если бы я сама знала? Но говорю только:

— А ты думал, что сможешь легко со мной справиться? Как бы не так. Я вид нечисти, с которой тебе не справиться.

Челюсть парня затвердела, а глаза потемнели. В самом деле, неужто я разозлила этого замороженного? Взгляд переместился с моего лица на кинжал.

— Фиантен? — проговорил он, увидев огненную птицу среди горящих символов на лезвие. — Проклятая птица. Птица, принесшая тьму.

В голове стучит. Что за чепуху он говорит? Фиантен не проклятая птица!

— Позволь мне уйти, и тогда я не наврежу тебе, — мой голос удивил меня своей твердостью.

Парень слегка склонил голову на бок, будто изучая меня.

— Пусть сначала отойдет ребенок, тогда мы сразимся с тобой, нечисть и увидим, на чьей стороне окажутся боги.

Ребенок? Дергаю головой, и сердце тут же падает — Мирей стоит в двух шагах от меня и сжимает в ручках мой фонарь, маленькое личико горит упрямством, а глазах, ставших огромными от страха, застыли слезы.

— Мирей! Что ты делаешь? Беги к мосту!

Но девочка встряхнула головой, и, наоборот, бросилась ко мне.

— Нет! Как я могу оставить тебя? Ведь ты спасла меня! Я не брошу тебя!

И она прижала горящее лицо к моей юбке.

— Ты дочь бургомистра, и ты жива, — обратился к ней юноша, — уходи домой. Твой отец страшно горюет. Я отведу тебя.

И он протянул Мирей руку, но девочка лишь испуганно отпрянула, прячь глубже в складках моей юбки.

— Нет! — вскричала она. — Я не пойду с тобой! Только с Элаей!

— Мирей! — вдруг неожиданная догадка поразила меня. — Ты знаешь его?!

Девочка едва заметно кивнула.

— Он пришел несколько недель назад с Севера, где полчища нечисти уничтожили город Оздор. Теперь он служит моему отцу. Его имя Керан, он из вестников богов.

С трудом приходя в себя от услышанного, перевожу удивленный взгляд на юношу. Получается, что в тот раз он появился неслучайно, а для того, чтобы спасти Мирей, но я помешала ему это сделать? Хотя, как бы он смог помочь, ведь она уже была близка к обращению в вампира?

— Можешь так и передать моему отцу — что я вернусь только с Элаей, — бросила тут же девочка, дрожа всем телом.

— Милая, послушай, — кладу руку ей на голову, пытаюсь успокоить, — я провожу тебя до моста, как и обещала, но дальше, тебе лучше идти самой.

Мирей насупилась и вцепилась в платье с новой силой. Сумерки меж тем уступили место чернильному вечеру, на белый снег лег туман, и в его глубине замелькали огни. Надо уходить как можно скорее. Решительно беру Мирей за руку, на что Керан дергается и хватается мое запястье, предусмотрительно взяв за рукав, а не за кожу, видимо страшится, что я обожгу его, как в прошлый раз.

— Не прикасайся к ней, ведьма, — зло цедит он, и глаза снова едва заметно начинают светиться.

— Удобно тебе, небось? — бросаю дерзко, пытаюсь выдернуть руку. — И фонаря не нужно по ночам.

Мы замерли, испепеляя друг друга взглядом.

— Отпусти ее! — набросилась на него Мирей, словно дикая кошка. — Она вылечила меня! Никакая она не ведьма! А фея!

Керан не отводил от меня злого пристального взгляда. Удивительно, а мне он показался поначалу совсем бесчувственным, а нет, вон как смотреть может — того и гляди прожжёт меня.

— Фиантен несет лишь боль и разрушение, она не войдет в город, — цедит упрямо белобрысый.

— Мне твоего разрешения не требуется, где хочу, там и хожу, — гордо вскидываю

подбородок, — а Мирей я доведу до моста, а дальше, волки не дадут мне пройти, они в отличие от тебя, действительно могут меня остановить.

Что-то хрустнуло у парня в челюсти, а цвет глаз окончательно поменялся с зеленого на черный. И я испуганно прикусила губу. Вот тут, Элая, ты явно перегнула палку. Керан надвинулся и стиснул до боли мое запястье. Набрал воздуха в грудь, видимо хотел сказать что-то ужасно многозначительное и пафосное, но ту позади него что-то мелькнуло в чернильно-белом тумане, заставляя парня резко обернуться.

— Госпожа Мирей, — обратился он вдруг к девочке, — бегите к мосту.

Каждый мускул на его лице напрягся, а взгляд был устремлен в подступающую темноту леса.

— Неужели опять вампиры? — вырывается у меня, и чувствую, как снова наливается теплом золотая птица на груди.

— Еще хуже, — шепчет Керан, — тут сама Дракайна. Бегите...

— Элая, бежим! — кричит в истерике Мирей, дергая за рукав. — Эта королева вампиров! С ней невозможно справиться! Уходим!

С трудом выйдя из оцепенения, хватаю на руки Мирей, и поворачиваю в сторону Клерстара, чьи огни приветливо мерцают сквозь толстые ветви. Девочка обхватывает ручками мою шею, я же в последний раз оборачиваюсь. Темную фигуру Керана уже полностью скрыл туман, в котором прятались тени, и что-то еще, какая-то сила, невидимая глазами, но хорошо ощутимая мной.

— Он же не погибнет... — вдруг срывается с пересохших губ.

— Нам надо скорее позвать отца! — отвечает Мирей. — Даже Керан не справится в одиночку с королевой!

И я со всех ног бегу к чернеющему деревянному мосту.

Глава десятая

Холодный ветер зло хлестал по лицу, ноги увязали в глубоком снеге. Ощетинившиеся деревянные волки встретили нас хмурым неприветливым взглядом.

— Скорей переходи! — толкаю Мирей к мосту.

Сзади надвигается черная волна, закручивает снег в мелкие вихри, колет спину. Едва она долетает до статуй волков, глаза их вспыхивают. И раздается оглушительный вой, от которого мы с Мирей рухнули на землю, зажимая уши.

Фиантен на груди жжет с каждой секундой сильнее. Что-то идет сюда. Страшное и темное, как бездонное нутро пропасти.

— Мирей, тебе надо уходить! — кричу из последних сил.

Девочка с огромными от страха глазами кидается к мосту и поднимается. И у меня внутри становится легче, словно отпустило натянутую пружину. Оборачиваюсь и вижу длинную полосу леса, проступающую сквозь туман, слышу шепот тварей, осмелевших от присутствия их хозяйки. Королева вампиров Дракайна.

— Что ж, королева она или нет, а мне надо вернуться домой, — говорю и вынимаю из ножен светящийся кинжал. Воин из меня тот еще, но парочку гнилых вурдалачьих глоток перерезать смогу. И куда делись Белочка и Смуглянка с фонарем?

Ступаю назад в туман. И тут резкий крик пронзает пространство, и я его узнаю.

— Мирей!

Резко развернувшись всем корпусом обратно к городу, вижу жуткую картину. Из ворот Клерстара на берег высыпала шумная толпа горожан с зажженными светильниками и факелами, некоторые держали дубинки, у других были даже луки со стрелами. Шедший впереди здоровый мужик в громадной медвежьей шубе сжимал черный хлыст и угрожающе сверкал глазами на маленькую фигурку Мирей. Я вспомнила его, он был тогда с тем Гури, которого съели вурдалаки в мой первый день в этом сумасшедшем мире.

— Ступай прочь, нечисть! — взревел он, очередной раз со свистом взмахнув хлыстом, отчего Мирей испуганно вжалась в деревянные опоры моста. Ей уже удалось перейти на тот берег, но почему-то данный факт не являлся достаточно убедительным для рассвирепевших жителей Клерстара.

— Так это же дочка бургомистра нашего! — воскликнул кто-то из толпы.

Послышался вздохи и восклицания.

— Она же объявлена мертвой.

— Никак покойница пришла.

— Она же перешла мост!

— Подбирается к нашим домам!

Толпа, словно один организм, колыхнулась и двинулась на дрожащую девочку.

— Стойте! — крик вырывается из моего нутра. — Отойдите от нее!

Туман меж тем поглотил верхушки деревьев, оплел черные стволы, словно покрывалом. Туда. На уничтожение вампиров и вурдалаков должна быть направлена эта народная ненависть, но вместо этого они пытаются убить ни в чем неповинного ребенка, даже не желая разобраться, каким образом она смогла миновать волков.

Бросаюсь к Мирей, зная, что не смогу даже ступить на доски моста. Так и есть. Невидимое поле дрогнуло и отбросило меня на снег, заставив волков снова ожить и издать

вой. Горожане замерли, устремив все внимание на меня вместо Мирей. Что ж, уже не плохо, Элая.

— Смотрите, эта же та ведьма, убившая Гури! — раздался чей-то истошный крик.

Ну, конечно. Теперь еще на меня смерть того несчастного повесят. В любом случае, чем дольше эти клерстарцы будут обсуждать мой темный образ, тем больше шансов на спасение Мирей.

— Позовите бургомистра! — возвысила я голос, снова приближаясь к деревянным волкам и замирая в дюйме от невидимого охранного поля.

— Ишь чего! — загрохотал здоровый мужик с хлыстом. — Нечисть еще командовать захотела. Ты мне за смерть Гури ответишь по полной.

И он угрожающе помахал кулачищем.

— Давно пора лес расчистить от этой нечисти, — заговорил другой мужик пониже ростом, но не менее мощный, — никакого спасения нет от них. На торговые обозы нападают, путников сжирают. Расплодились, проклятые!

— Хватай ее и покойницу эту и тащи к кострам, Верд! — заорал кто-то из толпы, обращаясь к мужику с хлыстом.

— Ну уж нет, одним костром эта ведьма у меня не отделается, — зычно рыкнув, пробасил Верд.

Я выпрямилась и с вызовом обвела взглядом этих людей, желающих моей смерти и смерти Мирей. Над головой послышался знакомый шелест крыльев, это мои совы вернулись из леса. Толпа ахнула и замерла, наблюдая за тем, как Белочка разжала клюв и мне в руку упал разной фонарь.

— Ведьма! Колдовство!

Я вытянула руку с фонарем вперед.

— Жители Клерстара, вы очень храбры, — громко начинаю я, хотя голос и дрожит, — только настоящие храбрецы выходят с оружием на испуганного ребенка. Только настоящие глупцы хотят убить дочь их бургомистра, не страшась его гнева.

От моих слов толпа взревела. Заколыхались факелы в руках.

— Настоящая Мирей умерла!

— Сам бургомистр говорил об этом!

— Гоните эту ведьму, братцы, она нам зубы просто заговаривает.

Мирей меж тем пришла в себя и бросилась назад по мосту.

— Элая! Они хотят убить меня! — маленькое личико девочки бледное и мокрое от слез выражало крайнюю степень отчаяния и страха. В поисках защиты она нырнула в распахнутые полы моего плаща и спряталась там.

— Точно ведьмино отродье! — завопил Верд, брызгая слюной. — Братцы, хватайте их.

— Сжечь ведьму!

И десятки ног загрохотали по деревянному мосту.

— Элая, бежим назад! Домой! — кричит Мирей. — Я же говорила, что они не поверят, что я жива! Говорила!

Девочка потянула меня за рукав, уводя прочь от моста. Что мы могли противопоставить этой разъяренной обезличенной толпе? В отчаянии стискиваю фонарь в руке, вторая рука в бессилии опустила кинжал. Назад? Через тот лес, кишущий вампирами и вурдалаками? Или быть растерзанной горожанами?

Белочка и Смуглянка кружат низко-низко над головой и громко ухают.

— Элая, пойдем! — плачет Мирей.

И я крепко обхватываю ее ладонь и поворачиваю в густой туман. Клерстарцы желают поубивать нечисть? Что ж пусть они своими глазами увидят, что такое настоящая нечисть...

— Мирей, держись рядом, — говорю твердо.

Девочка кивает, мы ныряем в молочный туман. Шум позади нарастает, мелькают огни факелов.

— Не дать уйти! Схватить! — командует Верд.

Туман застрекает в моих черных волосах, путается в них, цепляется за плащ и платье, ноги болят от бега. В отличие от факелов свет моего фонаря не тускнеет, а, наоборот, разгорается сильнее, острыми лучами пронзая завесу.

— Меня кто-то схватил! О нет!

— Боги! Спасите!

Крики отчаяния раздались вокруг. Трупные руки выплывают из тумана и пытаются схватить Мирей, но я успеваю с размаха всадить в них кинжал. Истошный визг, последовавший за этим, сообщил, что твари это очень не понравилось.

Горожане, несмотря на испуг, тоже не сдавались.

— Жгите этих тварей! Во имя наших священных богов! Во имя священного Цитрина!

Черные ветви деревьев переплелись плотным куполом над головами, сквозь которые поблескивала небесная паутина, словно дышала. И с каждой убитой тварью туман становился прозрачней. Теперь я видела всю картину. Вокруг находилось немало горожан, они отчаянно и храбро сражались с вурдалаками, которые то и дело тянули свои безобразные руки и клыки. Верд, словно человек-гора, черным хлыстом разбрасывал нечисть, не давая даже приблизиться к себе.

— Мирей, поддержи-ка, — передаю ей фонарь, а сама получше обхватываю рукоять кинжала, и, чувствуя тепло на груди птицы фиантен, начинаю размашистыми движениями наносить удары.

Одного из горожан, крепкого старика с молотом в руках, сразу трое вурдалаков повалило на землю. Подскочив как кошка, молниеносно пронзаю одного в шею, второго в трухлявый живот, а третий схватил было меня, но был отброшен вставшим на ноги стариком.

— Почему это ведьма сражается за нас? — недоумевал он, вытирая рукавом шубы бежавший по лицу пот.

— Джек, убей ее! — раздался рычащий голос Верда. — Не смотри на нее!

Старик растерянно замер, сжимая молот.

— Почему... — снова начал он.

— Потому что я не нечисть, а человек! — восклицаю горячо. — И я хочу помочь вам!

Туман бледнел, расплзаясь в стороны, прячась обратно в расщелины и овраги, и вдруг раздался боевой голос рога, эхом прокатившийся по деревьям.

— Это отец! — вскричала Мирей, смеясь и плача.

— Бургомистр! Его светлость!

— Ура!

В следующую секунду послышался топот лошадиных копыт, и из-за темнеющего нутра стволов показались всадники в латах и кольчуге. Налетев подобно вихрю, они принялись на полном скаку рубить, пронзать и поджигать вурдалаков. Впереди на гнедом коне восседал сам бургомистр Клерстара, я сразу узнала это лицо, горевшее в эту секунду беспощадной яростью. В крепкой руке он сжимал меч, позади развевался короткий плащ, отороченный

густым мехом.

— Не дать уйти, капитан! — ревел он.

Горожане возликовали и теперь уже просто наблюдали за тем, как искусные воины разделяются с нечистью. Один из всадников подскочил к нам с Мирей на полном ходу и тут же осадил коня.

— Ваша светлость! — вскричал он, во все глаза рассматривая прижавшуюся ко мне дочь бургомистра.

— Что такое, Роберт? — бургомистр подъехал и переместил взгляд от своего воина на нас, стоящих на снегу в кольце разбросанных уродливых тел вурдалаков.

По жесткому лицу бургомистра пробежала волна, а рука, сжимавшая окровавленный меч, задрожала.

— Не может быть... — прошептал он потрясенно, явно с трудом сдерживая себя.

— Папа! — заплакала Мирей, кидаясь к ногам лошади.

— Роберт, — взревел тот, — убей эту тварь, посмевшую принять облик моей ненаглядной дочери.

Воин остолбенел, не решаясь исполнить такой приказ.

— Нет, отец! — вскричала Мирей. — Это и правда я! Я вылечилась! Я не вампир!

— Ваша светлость, это правда, — встаю рядом с девочкой и смотрю прямо в глаза несчастного отца, который в этот момент боролся с собственными чувствами. Оно и неудивительно. Если и правда, как сказала Мирей, что от укусов вампиров еще никто не вылечивался, то конечно бургомистр решил, что перед ним не его дочь, а нечисть.

Он окинул меня острым цепляющимся взглядом. От бега и битвы с тварями мой наряд конечно же пострадал, но все равно по крою одежды и красоте ткани можно было понять, что я богата. Цепкий взгляд вернулся к моему лицу, а точнее к вырезу платья, где тихим огнем светила моя птица.

— Фиантен? — прошептал бургомистр потрясенно, сразу хмурясь. — Эта птица несет лишь боль и страдание на своих крыльях. Тебя казнят, а эту нечисть в облике моей Мирей сжечь. Капитан!

К нам тут же подлетело несколько человек, скручивая руки. Я выронила кинжал, фонарь тоже упал в снег.

— Папа! — в отчаянии молила Мирей, но к ней уже подъехал воин с зажженным факелом.

Горожане и воины столпились плотным кольцом, оцепенело замерев.

— Ваша светлость! Вы же убьете свою дочь! — кричу, пытаюсь вырваться из крепких рук.

Бургомистр уже развернул лошадь, его длинные светлые кудри мерцали в неверном свете факелов.

— Капитан, исполнять приказ, — выдавил он наконец из себя.

С ужасом я вижу, как огонь приближается к заплаканному личику Мирей, внутри все леденеет и стонет. Где же боги этого мира?! Придите! Остановите это!

— Неет! — вырывается из груди, и я падаю в бессилии на снег.

В наступившей тишине особенно остро слышны чьи-то шаги по снегу.

— Ваша светлость, — раздается странно знакомый голос, — это ваша дочь. Она излечилась.

Фигура прошла мимо меня тенью, и сквозь пелену вижу, как Керан берет на руки

Мирей.

— Она жива, — только произносит он и встречается с потемневшими от горя глазами бургомистра.

— Мирей... — шепчут его губы.

Спрыгивает с лошади и бросается на колени, протягивая к ней руки, и Керан передает ему девочку.

Внутри меня что-то стучит, разливается тепло. От пережитого потрясения голова идет кругом, и я падаю на снег. Последнее, что я вижу перед тем, как потерять сознание — это кружащих сов на фоне серебристой небесной паутины.

Глава одиннадцатая

Тело пронзает мучительная судорога, и его выгибает дугой. Боль в каждой точке, в каждой мышце. Наверное, именно так ощущается предсмертная судорога. Если я умру в этом мире, вернусь ли обратно в двадцать первый век? В свою маленькую квартирку, к спокойной работе, к джинсам, мобильным телефонам, метро и автобусам? Возможно, здесь я уже выполнила предназначенную мне миссию? Вылечила ребенка и вернула его отцу. Я больше не хочу здесь оставаться и бороться с жуткой тьмой, пронизывающей все пространство ядовитыми лучами. Разве я в силах прогнать ее и вернуть несчастным людям солнце? Нет, я всего лишь маленькая птичка, случайно залетевшая в логово зверя.

Снова судорога и снова выгибаюсь, царапая ногтями что-то твердое. Так было в первый раз, те же ощущения, будто я уже и не жива и страшный ледяной холод внутри. И еще вой. Жуткой волчий вой.

— Сила оберегов слишком сильна, это убивает ее, — глубокий вибрирующий голос пробрался сквозь непроницаемую завесу, добрался до сердца и замер там, вызвав странное томление и дрожь.

— Она нужна мне живой, Керан, — раздался другой голос, — ей предстоит ответить на все вопросы. Как она смогла вылечить мою дочь, почему носит на себе знак проклятых. Скоро прибывает его величество, думаю, он захочет узнать об этой... — бургомистр замялся, подбирая слово — девушке.

Пространство и звуки снова тонут в пустоте и нарастающем волчьем вое. Они уже здесь, глядят на меня из-за всех углов, несколько уже вцепились мне в руки, пронзая острыми клыками. Хочу кричать, но не могу. И снова выгибаюсь от боли и холода. Тьма и волки зажимают в кольцо, я не умру, но сойду с ума... Именно такое наказание уготовали мне боги этого мира...

И тут что-то горячее ложится на лоб, пуская по телу импульс, прогоняющий страх и принося спасительную тишину и прохладу. Веки настолько тяжелые, словно налиты свинцом, но я все преодолеваю слабость и слегка приоткрываю глаза. Сквозь ресницы различаю небо и глухой стук копыт о дерево. Перевожу взгляд и встречаюсь с зеленью и морозом. Это Керан. Заметив, что я смотрю на него, отводит взгляд и убирает руку со лба. И с новой силой на меня обрушиваются призрачные волки, очертаниями очень похожими на тех, что стоят у моста. Тело вновь выгибает.

— Твоя сила действует на нее благотворно, Керан, — сквозь пелену слышу искаженный голос словно через трубу, — переведи ее.

Я не знаю, какой последовал ответ, потому что провалилась в глубокий сон, но в нем не было уже теней и волков. Только тепло и аромат морозного ветра.

Проснувшись я от шепота, который раздавался у меня над самым ухом.

— Страсти какие, кого теперь в дом водят, — причитал женский старческий голос.

Голова гудит, мысли упорно не желают собираться. Но тело на удивление не болит. Поднимаю одну руку и замечаю странность — на запястье толстый костяной браслет исписанный рунами и символами. Обвожу взглядом комнату. Простая, без излишеств. Деревянный стол и потолок, в углу пухлый шкаф и небольшая печка, пахнет смолой и стружками.

— Где я? — бормочу рассеянно, пытаюсь совладать с непослушными членами и

подняться.

— Во имя Вереса! Она очнулась! — испуганно вскричала женщина.

Я смотрю на нее. Простое обветренное лицо, тронутое глубокими морщинами, домотканая рубаша и юбка с бережной вышивкой по краю. Служанка? Жена кузнеца? Явно не госпожа. Как только я пошевелилась, перепуганная женщина отбежала подальше к противоположному углу и выставила вперед руки, увешанные оберегами, которые позвякивали на ходу.

— Простите, — обращаюсь к ней, все еще борясь с головокружением, — где я нахожусь?

Но женщина не изволила отвечать. Выпучив глаза, по стене отползает к двери и с криком «Скорее, ведьма очнулась» бросилась прочь, даже не закрыв дверь за собой.

Признаться, я стала уже привыкать к такой реакции людей. Испуг, ярость, ненависть, желание сбежать подальше или, наоборот, убить. Или же холодное презрение. Тяжело вздыхаю и наконец сажусь в кровати. Комнатка и правда крохотная. Хотелось невыносимо пить, но кувшина с водой я не увидела. Сомневаюсь, что тут имеется волшебный стол-самобранка с готовым клюквенным морсом и теплым хлебом. Как же не вовремя вернулись воспоминания о замке, о теплой комнате в башне и всегда накрытом столе.

Живот отозвался неодобрительным ворчанием, хватаю его обеими руками и тут же понимаю, что на второй руке у меня точно такой же костяной браслет, что и на первой. Больше всего это напоминало ни что иное, как наручники. Да, я в заточении. Бросаю быстрый взгляд на окно и понимаю, что ставни наглухо закрыты. Кидаюсь к ним и откидываю защелку. В комнату врывается серебристый столб света и свежий морозный воздух.

— Ммм! Как же хорошо! — улыбаюсь, полной грудью вдыхая аромат Клерстара, который оказался на удивление очень приятным. А как же зловония и нечистоты, которым славились средневековые города? Либо в этом мире знают о канализации, либо нашли какой-нибудь другой способ. Ну, например, волшебный. Как бы ни было, а Клерстар порадовал дуновением свежей выпечки, костра и чего-то терпко-горького словно табак.

Облокачиваюсь на раму и перевожу мечтательный взгляд на ровные припорошенные снегом крыши, на шпили храмов со статуями по краям. Белые струйки дыма тянулись из труб вверх, до слуха то и дело доносилось лошадиное ржание, стук молота в кузне и громкий смех. Клерстар дышал и жил своей необыкновенной жизнью. За время, проведенное в этом мире, я привыкла к тишине и уединению в своем замке, но только сейчас, оказавшись в самом сердце этого города, поняла, как скучала по шуму и суете.

Перевожу взгляд на свои запястья в костяных оберегах. Как я смогла оказаться по другой сторону моста? Ведь стражи-волки надежно охраняют мост, не давая возможности даже ступить на него нечисти. Вздыхаю и рассеянно провожу руками по голове, пальцы тут же застревают. Вот же! Вся моя черная копна волос превратилась в один сплошной колтун, учитывая, что пряди были не только очень длинными и густыми, но и в добавок вьющимися, придется приложить немало усилий, чтобы расчесать сие богатство. Бросаю растерянный взгляд в комнату. Что-нибудь. Расческа или щетка. На небольшом столике рядом с медным тазом лежал деревянный гребень, весь покрытый затейливым рисунком. Обрадовавшись своей находке, беру гребень и возвращаюсь к окну.

Серебристая небесная паутина сегодня была видна во всей красе, облаков не было, стояла ясная, насколько это возможно, морозная погода. Сняв жемчужный ободок с головы,

я принялась осторожно прочесывать черные шелковые пряди.

Я все ждала, когда же откроется дверь и сообщат, как долго мне тут находиться. Но время тянулось, а никто так и не явился, прочесав большую часть волос, я в какой-то момент откинула их назад и бросила взгляд вниз. И тут же замерла, растерянно хлопая глазами. Там стояли трое мужчин, одетых в легкие доспехи, в руках они сжимали мечи. Очевидно, что окно этой комнаты выходило на тренировочный ринг, на котором воины оттачивали мастерство и мерились силой. Судя по быстро вздымающейся груди мужчин и покрасневшимся лицам, они только что дрались на мечах. Но теперь их лица все, как одно, были устремлены к моему окну. По коже побежали мурашки, когда ощутила, как горячие мужские взгляды с нескрываемым интересом рассматривают мое лицо. Из-под навеса проступила чья-то фигура, тусклые лучи скользнули по белям прядям. Керан! Сердце почему-то так и пускается в пляс, а щеки неотвратимо краснеют.

Юноша что-то бросил остальным воинам, те обернулись на него, и, как мне показалось весьма неохотно, опустили головы и побрели с ринга, предварительно повесив мечи на специальную стойку.

Керан некоторое время стоял неподвижно и смотрел куда-то себе под ноги. Несмотря на то, что комната располагалась на втором этаже, было совсем невысоко, я и могла хорошо рассмотреть его. Дублет из черной вареной кожи с высоким воротничком-стойкой был перехвачен у горла фибулой в виде ворона, ремень от ножен пересекал грудь, а из-за плеча выглядывала рукоять меча с тем же вороном вместо яблока. В Керане отсутствовала та богатырская могучесть, характерная почти для всех мужчин Клерстара, и все же по гордому развороту плеч, по той напряженной замершей силе, ощущавшейся во всей фигуре телохранителя бургомистра, не оставалось сомнений, что именно он, а не те здоровяки-воины, тут главный.

Керан стоял неподвижно, глубоко погруженный в свои мысли, а я продолжала смотреть на него, не в силах отвести взгляд. Легкий морозный ветерок, влетевший в комнату, закружил серебристые снежинки у моего лица, словно дразнясь и играя. Одна из них влетела мне в нос, и я... Чихнула. Громко... Неуклюже шмыгая носом, отгоняю снежинки от лица и снова перевожу взгляд во двор. Керан уже смотрел на меня, тяжело исподлобья, и сколько же ненависти дрожало в этом остром взгляде, пробиравшем до костей. Вздрогнув, я поспешила отступить вглубь и захлопнуть ставни, погружая помещение в полумрак.

И почти сразу дверь позади открылась, и вошло двое воинов и слуга, держа в руках светильник.

— Его сиятельство, Верон Высокородный, правитель Клерстара и славных его земель, желает видеть тебя.

Я поднялась, меня тут же обступила крепкая стража, у каждого по дубинке, с верху до низу унизанных теми же зачарованными символами, что я видела на деревянных волках. Сильные обереги. Приложи они меня такой дубинкой, мало не покажется. Внутренне содрогнувшись, смиренно следую за ними, опустив голову. Длинные коридоры и переходы. Ступени. Все деревянное, и лишь когда передо мной распахнулись расписные двери, мы вступили в совершенно иное пространство. Высокие потолки, огромные застекленные окна, мерцающие светильники на стенах, отбрасывающие длинные тени на пол, который тоже являл собой самое настоящее произведение искусства. Гладкий камень тут был отполирован до зеркального блеска, по краям вдоль линии стен шли рисунки цветов, зверей и диковинных птиц. Так жил бургомистр Клерстара. Чтобы каждый, кто бы ни ступал под сени этого

замка, не сомневался, что вот-вот предстанет перед могущественным вельможей.

Меня вся эта броская роскошь не впечатляла. Да красиво, да дорого. Но сердце ныло от тоски по моему мрачному готическому замку, по долгим пустым галереям, по которым я любила гулять часами. Там была та красота, которая отзывалась в моем сердце теплом и радостью. Здесь же... Я не знала, какую участь уготовал мне правитель Клерстара, убедило ли его чудесное выздоровление Мирей в том, что я не нечисть, что я желаю так же, как и он, добра и процветания людям и избавления от страшных тварей, которым кишит лес?

Судорожно выдыхаю, чувствуя, как напряжение и страх завязываются под грудью узлом, а ноги предательски слабеют. А если костер? Что за страшная средневековая казнь! Учитывая, что мне даже не позволили нормально причесаться, вряд ли бургомистр встретит меня как дорогого гостя. Очередные огромные двери преградили путь. С них скалили клыки искусно вырезанные волки, вместо глаз у них был вставлен оникс. Судорожно сглатываю и невольно тянусь к птице на груди.

— Руки! — тут же рявкнул один из стражей, поднимая дубинку, символы на ней ожили, задвигались, и мои запястья обожгло огнем.

Сложившись от боли пополам, с трудом удерживаю крик, прикусывая губу. Зато теперь я знаю, как работают эти дубинки.

Дверь меж тем медленно и тяжело распахнулась, и я вступила в высокую просторную залу с рядом колон по обе стороны. Посередине на возвышении стояло красивое резное кресло, обитое красным бархатом, но оно пустовало. Сам же Верон Высокородный сидел у его основания в кресле богатом, но все не идущим ни в какое сравнение с первым.

— Ваше сиятельство, ведьма приведена, — произнес слуга, возвышая голос.

Бургомистр сразу поднял глаза и окинул меня с ног до головы внимательным взглядом. Рядом с ним возвышался человек. Высокий, в длинном, расшитом серебряной нитью белом балахоне, крепкий, как и все жители этих земель. Короткая окладистая борода, острый цепкий взгляд и резной посох в руках. Кто это такой? Жрец?

— Вот оно — проклятое отродье, — тут же заговорил человек в балахоне, и его голос зазвенел от ненависти и напряжения и разлетелся эхом по торжественной зале.

— Молчи, волхв, — резко поднял руку бургомистр, грозно хмурясь. — Не называй проклятой ту, которая спасла мою дочь от смерти.

Волхв почтенно замолк, но стиснул пальцами набалдашник посоха так сильно, что костяшки пальцев побелели.

Верон поднялся и приблизился. Удлиненный бархатный камзол был перехвачен широким поясом, усеянным самоцветами и речным жемчугом, с боку виднелись красивые ножны с кинжалом внутри. Длинные светлые кудри с проседью падали на могучие плечи бургомистра, он смотрел прямо и открыто без тени лукавства или вражды.

— Как твое имя? — спросил он, вновь задерживаясь взглядом на золотой птице.

— Элая, — двигаются машинально губы, а зрение улавливает знакомую фигуру в тени одной из колон. Керан. Медлю, а потом добавляю. — Фиантен. Элая Фиантен.

Слуга и стражи испуганно отступают прочь, как от чумной, рисуя в воздухе защитный знак, а волхв стремительно приближается, так что полы его балахона и длинных рукавов развеваются подобно парусам.

— Господин! — возвысил он голос, прожигая меня взглядом насквозь. — Ты велик и мудр, и ты знаешь, что говорят наши законы, чего желают наши боги! Огненная птица должна быть уничтожена.

Бургомистр замер, его плечи и спина напряглись, но он не ответил волхву.

— Каким образом тебе удалось вылечить Мирей? — продолжил он расспрос. — Не существует такой магии ни под небом, ни под землей, способной остановить вампирский яд.

Я молчу, переплетя пальцы.

— Почему не отвечаешь? — голос бургомистра приобретает опасный оттенок. — Или не ведаешь, что тебя — врага наших богов, приказано уничтожить?

— Даже если я сейчас расскажу, — наконец говорю, — отвратит ли это мою гибель?

Тяжелое молчание повисло в воздухе.

— Вести за мной! — прогремел Верон, и я вздрогнула.

Стражники накинулись на меня и повели снова по залам. Керан бесшумной тенью ступал позади всех, и я не имела возможности даже повернуть голову, чтобы увидеть его лицо.

Высокие коридоры привели нас в просторную залу, здесь почти не было стен, кругом высокие от пола до потолка цветные витражи, посередине кругом возвышались белые статуи.

В воздухе клубился легкий дым благовоний и курений, в углах зажжены свечи, по зале расхаживали люди в таких же белых балахонах, что и у волхва, но попроще.

— Здесь! — рявкнул бургомистр, указывая рукою на статуи. — Здесь в святилище наших богов тебе предстоит испустить дух, ведьма, если не расскажешь, как излечила Мирей.

Меня подвели к подножию истуканов и бросили на каменный пол. Подняв глаза, я смотрю на этих богов, которым поклоняются тут люди. Странные лица, холодные и пустые, как заледеневшие склепы.

— Наши великие боги! Те, которых называют пятью столпами мира, приговаривают тебя к казни! — прогремел голос волхва, подступившего ко мне.

Озноб пронзает меня насквозь, я смотрю на богов, в их немигающие глазницы... Пять столпов мира...

И перед глазами всплывает запись, найденная мною в замке:

«ВСЕ ПЯТЬ ДОЛЖНЫ БЫТЬ УНИЧТОЖЕНЫ».

Спазм сдавливает горло. Пальцы холодеют.

Да, бургомистр и волхв правы. Я и в самом деле враг богов этого мира.

Глава двенадцатая

Стою будто оглушенная. Пять! Их пять!

— Верес, Ведогас, Гирос, Хромус и прекраснейшая из всех богиня Алигея, — голос волхва дрожит от благоговейного трепета пока он шагает вдоль белых истуканов, — пять столпов, на которых лежит этот мир. Наши великие создатели!

— Почему они лишили людей солнца? — невольно срывается с языка, и тут же жалею об этом, так как острые, словно лезвия, глаза волхва врезаются в мое лицо.

— Из-за тебя, — и он тычет пальцем куда-то в середину моей груди. — Фиантен, принеся проклятие и разрушение, приведшая за собой тьму.

Внутри все так и взрывается протестом.

— Неправда! — вырывается из меня. — Фиантен не может нести разрушение!

Стражники тут же напряглись, поднимая дубинки, отчего кожа на запястьях начинает гореть, но мне уже все равно, наверное, совсем скоро я стану совсем нечувствительной к боли.

— Неправда? — бургомистр шагает ко мне. — Именно с Фиантен начался приход тьмы в наш мир, именно они желали уничтожить богов и править самим. Полог тьмы лег на небо из-за Фиантен.

Сердце пронзает укол, я нежно накрываю ладонями золотую птицу на груди, желая скрыть ее сияние от посторонних глаз, защитить. Пусть они говорят, что хотят, но я знаю правду. Огненная птица несет избавление от страданий.

— Ведь именно она исцелила вашу дочь, — говорю, следуя ходу мыслей.

Лицо Верона каменеет.

— Да, — киваю, встречаясь с ним глазами, — я смогла вылечить Мирей благодаря тому, что Фиантен указала мне на нить, тянущуюся из сердца вашей дочери. Именно этот огонь изгнал яд вампира из тела девочки.

— Нити из сердца? — шепчет потрясенно бургомистр, хмурясь. — Но это ведь...

— Не слушайте ее, господин! — тут же подскакивает к нему волхв. — Никто из смертных не может видеть нити сердца, только боги!

Слова так и застревают в горле, я не знаю, почему могу видеть эти нити, почему могу входить в тот замок посреди леса. В сущности, я знаю ничтожно мало о себе, об Элае Фиантен, об этом мире, Нордессе, чьей столицей когда-то был Вест-Лей, а теперь Цитрин.

— Она лгунья, мой господин! — заключил волхв, словно вбив последний гвоздь. — Чем скорее мы избавимся от мерзкой ведьмы, тем скорее вернем милосердие богов и ускорим приход солнца.

И он делает уверенный шаг в мою сторону, поднимая посох, словно желая ударить им меня, но рука бургомистра вновь поднимается.

— Молчи, Диодус, ты позволяешь себе слишком много. Это мне решать, что делать с ней, казнить или оставить в живых, — взгляд Верона устремляется куда-то мне за плечо. — Пусть скажет свое слово вестник богов, вам дарована особая благодать и сила. Скажи, то, что говорит... — он снова запнулся, — Элая, может быть правдой? Ведь в священных книгах говорится, что одно из свойств богов — это видеть сердечные нити людей.

Бургомистр замирает, а я затылком ощущаю приближение Керана.

— Мой господин, — говорит он с поклоном, — лжет ли сия девушка или говорит

правду, то мне не ведомо. Но что я вижу точно, так это то, что юная госпожа Мирей полностью здорова и лишена признаков тьмы. Каким бы образом не был изгнан яд из тела, он действует и помогает. Тьма не может изгнать тьму, а потому она, — Керан замолк, не договорив и бросив на меня быстрый взгляд, — она не нечисть. Но это не означает, что она не опасна. Думаю, мы могли бы использовать ее способности в врачевании в своих целях.

Я презрительно фыркнула. Вот она типичная мужская логика — использовать женщин для своих нужд. Волхв же издал странный звук, будто захлебнулся собственным воздухом, ему явно не по нраву речь Керана, ведь вольно или невольно вестник богов только что доказал, что я нужна и избавляться от меня не самая разумная идея.

— Через шесть дней приезжает король со свитой, — Верон потер задумчиво подбородок, — мало того, что нечисть уничтожает город за городом на Севере, с юга наступают войска варваров с Железной пустоши. Его величество будет обсуждать усиление крепостей и возведение новых оборонительных сооружений. Мы готовимся к затяжной войне и знать, что у нас наконец-то есть лекарство от вампирского яда — бесценный дар.

Бургомистр сложил за спиной руки и устремил задумчивый взгляд в сторону цветных витражей, за которыми уже стремительно темнело.

— Дыхание Цитрина умолкает, но совсем скоро в Клерстаре наступит лето, — Верон произнес задумчиво, — хоть на краткий период времени наши земли наполнятся радостью и светом. Дети перестанут болеть. И Дракайна, что посмела приблизиться к городу, уйдет вместе со своими тварями обратно во тьму севера.

— Странно, что Темная Королева так далеко ушла на юг, — проговорил волхв, переставший наконец-то буравить меня взглядом и сконцентрировав все внимание на своем господине.

— Она сильна как никогда, — произнес Керан, — и пополняет свое войско недавно обращенными вампирами. Вчера их сила поразила меня. Боюсь, они готовятся к страшному...

Керан замер, его лицо почти весь разговор оставалось абсолютно безэмоциональным и спокойным. И лишь сейчас в зеленых глазах мелькнуло что-то похожее на волнение. Бургомистр стремительно приблизился к нему и положил свою руку ему на плечо.

— Клерстар не станет вторым Озном, Керан, — произносит Верон строго, — наши береги сильны, наши воины храбры, кроме того, у нас теперь есть ты — сам вестник богов. С тобой мы стали непобедимы, мой отважный друг.

— Дракайна не решится напасть на город, когда к нему движется священный Цитрин, — вставил свое слово волхв, — свет камня прогонит Королеву.

— Нужно как можно скорее обучить воинов, Керан, — снова обратился бургомистр к своему телохранителю, — как правильно наносить удар, чтобы увернуться от зубов и вырвать сердце. Если твари придут...

— Я тоже хочу помочь вам, — подступаю к мужчинам, которые уставили на меня удивленные взгляды, в зеленых же глазах Керана вспыхнул злой огонек. Похоже вестник богов терпеть меня не может. Ну да и плевать.

— Как ты поможешь нам, дитя проклятой птицы? — голос волхва задрожал, но, поймав на себе резкий взгляд бургомистра, умолк.

— Ты хочешь помочь нам? — Верон сделал упор на слове «ты» и золотистые густые брови так и поползли вверх.

В моих ушах стучало, а ладони колело. Возможно, именно за этим я и пришла в этот

мир — избавить его от тех тварей.

— Да, у меня есть кинжал со священными рунами, и я готова встать рядом с клерстарцами плечом к плечу, чтобы защищать город.

— Я не думаю, что мы можем ей доверять, мой господин, — бросил Керан под одобрителный кивок волхва. А я тут же прожигаю его взглядом. Вот же гад!

— Это почему же? — сразу иду в атаку. — Разве ты сам только что не подтвердил, что я излечила Мирей, а это означает, что я тоже против тварей.

Но в зеленых глазах белобрысого лишь холодное презрение.

— Какой бы силой ты не излечила юную госпожу, твой дух пребывает за гранью, а значит ты нечисть.

— Нечисть, носящая на себе печать проклятых, — добавил волхв, тыча пальцем в фиантен на моей груди.

В отчаянии сцепляю руки на груди. Все бессмысленно, они всегда будут видеть во мне своего врага. Опускаю голову и разглядываю рисунок на белом камне под ногами. В этом мире мне суждено быть изгоем, той, которую будут бояться и гнать.

— Керан, отведи ее в темницу, что под южной башней, — хмурится Верон, — и пристально охраняй. Ей предстоит предстать перед его величеством и ответить на все вопросы, которые наш повелитель пожелает задать.

Здоровяки с зачарованными дубинками вновь надвинулись, покорно опускаю руки. Что я могу? Как их переубедить?

— Отец! — вдруг раздается звонкий голосок.

И в святилище врывается Мирей. Она одета в красивое бархатное платье, косы украшены мелким жемчугом. Ее горящие глазки сразу нашли меня, и, едва здоровяки-охранники успели среагировать, бросилась ко мне.

— Элая!

Падаю на колени и сжимаю девочку в объятиях, но ровно секунду, а дальше обжигающая боль от костяных браслетов заставляет сникнуть на пол и тихо застонать.

— Батюшка, — девочка тут же кидается к бургомистру и хватает за рукав, — не делай этой фее больно! Прошу!

Но лицо правителя Клерстара сурово.

— Почему ты пришла сюда, Мирей? — он остановил на ней строгий взгляд, но в глубине уже разгоралась нежность и, присев рядом с девочкой, он ласково погладил ее по щеке. — Мы не можем доверять ей, пойми. Я делаю это и для твоей безопасности.

— Нет-нет-нет! — Мирей так отчаянно замотала головой, что несколько непослушных завитков выбились из косичек. — Батюшка, я не хочу, чтобы Элае делали больно или чтобы ее бросали в сырую темницу! Прошу!

Все трое мужчин в нерешительности замерли над моей доблестной маленькой защитницей. Бургомистр колебался, волхв неодобрительно скрипнул челюстями, а лицо Керана приобрело знакомое ледяное выражение, по которому было совершенно невозможно понять, о чем он думает и что чувствует.

Послышались торопливые шаги, и в дверях показалась группа девушек, впереди всех шла Агнесс. Я сразу узнала старшую дочь бургомистра. В свете дня ее красота оказалась еще более ошеломительной. Переливчатое сияние золота волос, украшенное драгоценным обручем, великолепное платье, сплошь расшитое мерцающими кристаллами. Агнесс была высокой и царственной, так что вольно-невольно хотелось склониться перед ней.

— Отец, — начала она, — прошу прощения. Это моя вина, что Мирей помешала вам.

— Агнесс, — загремел Верон, сверкая глазами, — разве ты, моя родная кровь, первая госпожа Клерстара, не ведаешь, как подобает появляться женам и дочерям в этой половине дома?

Агнесс молча склонила голову, словно признавая свою ошибку, вертикальная черта пролегла между бровей.

— Почему не досмотрела за сестрой? — продолжал отчитывать старшую дочь бургомистр. — Почему я не могу быть ни в ком уверен. Как ты будешь готовить дворец к приезду его величества, если даже не можешь контролировать маленькую девочку?

— Ваше сиятельство! — неожиданно выступила вперед девушка, стоящая сразу за Агнесс. — Наша госпожа ни в чем не виновата!

Ее светлые глаза горели болью и страхом за свою юную госпожу.

— Ясмена, не надо, — в полголоса проговорила Агнесс и покачала головой, — тем более, что батюшка прав. Это полностью моя вина, что Мирей сбежала.

— Я сбежала, потому что услышала, как слуги говорят, что ведьму хотят сжечь! — вскричала Мирей, снова стискивая рукав отца и слезы потекли по ее щекам. — О, батюшка, прошу, смилуйтесь! Элая, мой добрый друг! Моя фея!

Запястья перестало жечь, и я смогла поднять голову. Агнесс и остальные девушки бросали на меня заинтересованные взгляды.

— Это она? Та, которая излечила мою сестру?

— Да, — коротко ответил бургомистр. — Она утверждает, что смогла изгнать вампирский яд с помощью нитей сердца.

Испуганные шепотки пронеслись среди группы девушек, лицо же Агнесс застыло.

— Нити сердца... — шепчет потрясенно. — Но, отец, разве подобная магия не запрещена наравне с некромантией?

— Не верьте ей, госпожа, — волхв снова сделал порывистое движение в мою сторону. Думаю, будь у него в руках зачарованная дубинка, мне пришлось бы несладко. — Никто, кроме наших богов, не может видеть нити человеческих сердец. А те дельцы, кто пытался спекулировать и заигрывать с этим уже давно сожжены как колдуны и чернокнижники.

— Но Элая не просто видит нити сердец, — храбро набросилась на служителя богов Мирей, — у нее есть волшебная прялка в волшебном замке. С ее помощью, она и вылечила меня.

— Прялка?! — воскликнула потрясенно Агнесс и перевела недоумевающий взгляд сначала на отца, а затем на Керана, — разве такое возможно, вестник?

— Чтобы понять, о чем идет речь, мне нужно будет увидеть это воочию, — говорит Керан.

— Тебе встречалось подобное где-нибудь еще в Нордессе? — дивится бургомистр. — Волшебная прялка?!

Керан молчит, и снова смотрит куда-то в сторону, словно уходя глубоко в свои раздумья.

— В любом случае эта ведь... — бургомистр словил неодобрительный взгляд Мирей, — кхм, эта девушка, должна находиться под неусыпной охраной, она опасна.

— Нет! Отец, она не опасна! — но заплаканную Мирей уже взяла за руку та девушка, к которой Агнесс обратилась по имени Ясмена.

— Юная госпожа, пойдете, я провожу вас в ваши покои. Кажется, сегодня туда

принесут фруктивное желе, — она улыбалась девочке, пытаясь отвлечь ее. Но упрямая Мирей, лишь выдернула ручку и снова бросилась ко мне. В этот раз никто не стал ее останавливать.

— Раз так, то тогда и меня отправляйте в темницу! — ярилась она, топая ножкой в красивых туфельках. — А если вздумаете запереть меня, то я все равно сбегу и переберусь в камеру с Элаей.

Ее ручки обвили мою шею.

— Мирей, не надо делать глупостей, — шепчу ей на ухо. В конце концов мне совсем не хотелось, чтобы из-за меня бургомистр сердился на младшую дочь, которая просто чудом осталась жива. Да и по темневшему лицу Верона легко читалась та мука, которую он испытывал, расстраивая Мирей.

Пока бургомистр пытался справиться с гневом маленькой дочери, а волхв Диодус продолжал испепелять меня взглядом, словно я вошь или мерзкая крыса, краем взгляда замечаю, как Агнесс приближается к Керану.

— Как ваши раны, Керан? — тембр голоса Агнесс необыкновенно приятный, похожий на серебряный колокольчик, но сейчас в нем послышались новые нотки. — Мне передали, что вам пришлось в одиночку противостоять самой Темной Королеве.

— Благодарю за беспокойство, моя госпожа, но я в порядке, — отвечает с легким поклоном юноша, — к счастью, Дракайна показала лишь свою тень. Я не думаю, что она решится нападать в открытую.

— Пусть боги хранят вас! Каждый день я возношу молитвы всем Пяти, чтобы вам всегда сопутствовала удача, а меч был быстр и остр.

— Благодарю вас, госпожа, — был ответ и снова поклон.

Агнесс в растерянности замерла. По смущенному взгляду и легкому румянцу, что окрасил нежные бархатные щеки девушки, только слепец не догадался бы, что похоже этот белокрысый вестник давно стал причиной бессонных ночей старшей дочери бургомистра Клерстара.

— В прошлый раз мне чрезвычайно понравилось присутствовать на тренировках наших воинов, — улыбается Агнесс, пытаясь поймать глазами холодные зеленые глаза Керана, — это настолько захватывающе, что не передать словами. Как бы мне хотелось увидеть это еще раз!

— Да, моя госпожа, ваши верные воины будут счастливы показать свои умения и свою доблесть.

Агнесс обиженно прикусила пухленькую губку. Сдается мне, что сдержанность Керана порядком действовала ей на нервы.

— О, боги! — взревел надо мной Верон, хватаясь за голову и отрывая меня от подглядывания за сладкой парочкой. — Ну хорошо! Она не пойдет в темницу!

А Мирей ни на секунду не отступила от меня. Маленькие ручки тесно обвивали шею, а личико горело от гнева и упрямства. И ее отец в конце концов сдался перед таким напором.

— Керан! — позвал бургомистр, который явно уже хотел поскорее отделаться от меня. — Отведи эту девушку в ту же комнату, проследи, чтобы она не сбежала.

— Ваше сиятельство, надо бы приставить побольше стражи, — тут же зашептался волхв, — ведьма, чего доброго, может и отравить кого-нибудь ночью.

— Моя Элая никого не может отравить, слышишь! — кинулась тут же Мирей на волхва, грозно надвигаясь.

Бургомистр обреченно вздохнул и дал знак Керану. Тот поклонился все еще стоящей

возле него в растерянности Агнессе.

— Вставай, — холодный ровный голос прозвучал надо мной.

Подчиняюсь и следую за своим новым тюремщиком.

— Элая! — Мирей снова бросается ко мне, но ее уже сдерживает сам Верон.

— Достаточно, Мирей!

Девочка рвется. Бросаю на нее взгляд полный боли.

— Все хорошо, — шепчу губами.

Да, все образумится и меня отпустят обратно в мой замок к Беляночке и Смуглянке. К тишине пустых галерей и коридоров, к зачарованному саду, хранящему вечное лето, к прячущимся теням, к таинственным комнатам.

— А я ведь хотела убраться там, — бормочу рассеянно, вспоминая жуткую разбитую комнату.

Неужели и в самом деле, та запись об уничтожении всех пяти означала, что те, кто жил в том замке хотели уничтожить богов этого мира?! Не безумие ли это? Неужели я, Элая Фиантен, ношу в себе ту же кровь?

— Что же делать? — подношу руки к вискам и стискиваю, и тут же утыкаюсь головой во что-то твердое и меня сразу обдает аромат льда и ветра.

— Ты можешь быть внимательней? — тут же раздается раздражительный голос.

Что-то твердое было ни что иное, как крепкая спина Керана. Мы как раз дошли из основного замка до хозяйственных построек и стояли перед входом в комнату, в которой я проснулась утром.

— Извини, — бормочу испуганно.

Я настолько погрузилась в свои невеселые размышления, что не заметила, как прошла весь этот довольно долгий путь. Громил с зачарованными дубинками рядом не было. Собственно, в этом длинном темном коридоре не было никого в эту минуту, кроме нас с Кераном. Осознав это, мое сердце делает кульбит от страха. Я до дрожи в ногах боюсь этого мрачного вестника. Но знать ему о подобном необязательно.

Он оборачивается и останавливает один из тех своих взглядов, которыми обычно смотрит на вурдалаков перед тем, как вырвать им сердце.

— Юная госпожа желает ослабить твою охрану, хотя я считаю подобное глупостью. Такие как ты — причина того, что этот мир умирает.

Холодное презрение, которым сквозило каждое слово Керана, больно обжигало. И мне стало неприятно, что я так зависима от мнения какого-то мутного телохранителя бургомистра. Да пусть думает обо мне, что хочешь! Мне плевать! Я двинулась прямо на него, хотела грубо оттолкнуть в сторону, но разумно соизмерив весовые категории, презрительно хмыкнула и обошла.

— Раз так ненавидишь, так чего не прирезал прямо там в лесу?! — распахиваю громко дверь.

Керан лишь равнодушно пожал плечами.

— Не убил лишь потому, что увидел юную госпожу живой. Твоя сила, какой бы они ни была нужна Нордессу, нужна людям, и ты послужишь им, ведьма.

Гордо выпрямляю спину и опускаюсь на жалкое подобие кровати.

— Я буду с охотой служить людям, а ты — своим каменным бездушным богам, которые лишили этих же людей солнца.

— Боги не лишали людей солнца, — тут же вскипел Керан, и его голос обжег, словно

лед в морозную стужу.

— Серьезно? — бросаю иронично. — А Мирей рассказывала мне, что полог — их рук дело за грехи. Где же их милосердие? Оставить людей умирать и страдать от темных тварей? Да уж, нашли кому поклоняться.

Чем больше я говорила, тем мрачнее становился Керан, зеленые глаза опасно сверкнули. Отлично, кажется, я его довела. Ну погоди, это только начало, ты еще сильно пожалеешь, что стал моим тюремщиком.

— Только кровожадные падшие существа способны на такую жестокость. Болезни, смерть от клыков вампиров и вурдалаков, поколения людей, неведующих, что такое солнечный свет — серьезно, вы таким поклоняетесь?

Я знала, что давно перешла черту, но не знаю почему, не могла остановиться. Ненависть, горячая и злая вскипела огнем в жилах. Словно уже говорила не я, а Фиантен. Керан двумя огромными шагами пересек крохотную комнатку.

— Да что ты знаешь, ведьма! — встряхнул он меня, больно хватая за запястье и рывком поднимая на ноги. — Если бы не наши боги, этого мира уже давно не было. Он бы потонул в той тьме, что выпустила твоя семья.

— Что? — бормочу испуганная и сбитая с толку, а Керан нависал надо мной. Опасный и злой.

— Не строй из себя невинность, — бросает насмешливо, — лучше расскажи, как ты смогла выжить? Все Фиантен были уничтожены, и они и места их захоронения.

Зеленые глаза прожигают насквозь и мне хочется спрятаться, укрыться от этого взгляда, но в этот раз решаю стойко принять удар.

— Фиантен не истребимы, — бросаю гордо, и сама дивлюсь жесткости в голосе, — потому что люди должны знать правду. Правду о том, что на самом деле их боги — главные враги.

Ох, Элая, ты сейчас договоришься. Керан еще ближе двинулся, одной рукой обхватывая оба мои запястья, а второй сжимая золотую птицу у меня на груди.

— Вот, — и он сжал золотой кулон у себя в ладони, — единственный виновник всех несчастий этого мира. Ты та, кто привел тьму, кто начал войну, из-за которой пришли темные твари. Была бы моя воля — я бы сделал так, — и его руки тянутся уже к моей шее, — не понимаю, что могло остановить меня в тот раз... Ведь ты всего лишь нечисть, убивающая людей, приносящая страдание.

Ледяная зелень исчезла, ее поглотил черный зрачок. Керан склонил голову, так что белые пряди сверкнули в тусклом свете комнаты. Внутри же меня зарождался жар и азарт. Словно я стою на краю обрыва и вот-вот упаду в бездонную пропасть. Его холодное лицо так близко, как и тогда в лесу, но теперь глаза не выглядят столь мертвенно безжизненно, в них била ключом горячая ненависть и еще что-то. В неосознанном порыве разгадать эту эмоцию Керана, тянусь к нему и шепчу прямо в горячие губы, не отрывая взгляда:

— Ну так попробуй, — голова кружится, а сердце бьется как сумасшедшее. Что я делаю? — Заверши то, что хотел тогда... Давай, Керан...

Керан замер, он так близко, что я ощущаю каждый его вздох, вижу, как напряглись крепкие мышцы на груди и плечах. Я и сама не могу отвести от него взгляд. Напряжение, темное, неотвратимое, растет между нами, словно в грозу.

— Ты останешься здесь, — выдыхает он, отшатываясь, — и король сам определит твою участь.

Быстро поворачивается к дверям.

— Просто отлично, — бросаю ему в спину, — главное, с обедом не опаздывайте.

Бедная дверь едва не разлетелась в щепки, так громко Керан захлопнул ее, через мгновение послышался звук замка.

Обреченно опускаюсь обратно на жесткий матрас.

— Ну что ж, Элая, теперь ты узница.

Глава тринадцатая

Густая чернильная ночь легла на Клерстар, заползая в самые сокровенные уголки, яростно гася любой свет.

Я все ждала, когда же принесут еды, ну или на худой конец воды, но дверь так и не отворилась. В животе неприятно гудело, голова пульсировала. Наконец, оставив пустые надежды, опускаюсь на кровать и долго смотрю на танцующее пламя одинокой свечи. Мысли не давали покоя, прогоняя сон, вновь и вновь возвращая в святилище перед пятью белоснежными статуями богов.

— Неужели это правда? — шепчу в полголоса, накрывая рукой уставшие глаза. — Неужели Фиантен желали уничтожения пяти богов? Поэтому их прокляли? Поэтому они считаются врагами?

Тоска по моему замку, по совам, по тихим уголкам, по печальному саду росла все сильнее, была моя воля, я бы открыла ставни и бросилась прочь. Чего хочет от меня бургомистр и этот замороженный вестник богов? Кстати, и почему он, интересно, вестник? Старшая дочь бургомистра, красавица Агнесс, явно влюблена в него... Несмотря на колоссальное потрясение и голод, усталость брала свое, веки наливались тяжестью, потянуло в сон. Зевнув, подтягиваю колени к груди, погружаюсь в сон. Но не прошло и пяти минут, как глухой звук разбудил меня, словно кто-то скребся по ту сторону двери. Поначалу подумала, что это мыши грызут дыры в стенах, и уже намеревалась вновь вернуться в объятия сна, но звук повторился, снова и снова. Это были не мыши, а кто-то рукой проводил по деревянной стене, и тут же птица на груди обожгла огнем.

Вскакиваю в кровати и замираю, вслушиваясь в ночные звуки. Моего рунического кинжала не было, а если за дверью притаилась нечисть...

— Но это невозможно, — бормочу, пытаюсь за бешеными ударами сердца расслышать тихий шорох, — ведь твари не могут перебираться через мост, волки...

И тут же ночную тьму прорезал вой, разлетающийся по окрестностям, от которого застыла кровь в жилах. Он все ближе, надвигается волной. Чья-то рука коснулась латунной ручки двери и попыталась открыть. Леденящий ужас крадется по спине и сковывает горло, в тот момент, когда послышался щелчок и дверь с легким скрипом приоткрылась. Я забралась на кровать с ногами, вжимаясь спиной в стену, а руками стискивая до боли огненную птицу. В черном проеме из мрака проступил один красный глаз.

— Ну давай! — подаюсь вперед. — Я не боюсь тебя! Ну же!

Существо замерло, я почти вижу жуткую ухмылку и слышу тяжелое дыхание. Дверь приоткрылась еще шире, но ночь была такой густой и непроглядной, что различить можно было лишь два жутких красных глаза. И снова вой, от которого задрожали стены, существо дернулось и бросилось обратно в темноту.

— Волки преследует это, — догадываюсь и кидаюсь прочь из комнаты.

Топот и вой. Раздались встревоженные голоса проснувшейся стражи, я добегаю до открытой галереи и вижу, как черные тени волков преследуют по крышам нечто. Они бесшумно скользят по отвесной стене замка бургомистра.

— Эй, зажигай факелы готовь стрелы! — раздалось внизу.

Тень между тем нырнула в первые же раскрытые ставни замка, волки устремились за ней.

— Как это возможно? — бормочу потрясенно. — Как та нечисть миновала мост?

В голове сразу возникает воспоминание страшной боли, пронзавшей тело, словно тысячами раскаленных игл, когда меня перевозили через реку. Сила оберегов не пускала ту, которая по словам Керана уже находилась по другую сторону.

Обреченно вздыхаю и смотрю во двор, который уже запрудили воины, их металлические кольчуги тускло поблескивали в свете факелов.

— Найти тварь! — громыхал один из них. — Прочесать весь замок!

И стражники ринулись в распахнутые двери. Позабыв обо всем, я наблюдала за тем, как тут и там зажигались огни в окнах, как замок оживал, встревоженный новостью о том, что нечисть пробралась внутрь. И вдруг за спиной раздалось глухое рычание. Резко обернувшись, вижу черного волка. До оцепеневшего мозга не сразу доходит, что это ни что иное, как ожившая деревянная статуя.

— Тебе не меня надо ловить, — судорожно сглатываю и пячусь спиной, не отрывая глаз от ожившего оберега, — лови то существо!

Волк пригнул голову и зарычал, было что-то особенно жуткое в этом деревянном теле, потемневшем от времени и снега, покрытое местами синей плесенью. Мой приказ также не подействовал на волка. Я была нечистью, он пришел за мной. Сердце уходит в пятки, и не помня ничего от ужаса, бросаюсь прочь. Не разбирая дороги, юркнула в какой-то коридор, толкнула плечом первую же дверь и пустилась вниз по темной винтовой лестнице, освещенной лишь чугунными светильниками на стенах.

Оберег догонял, каменные своды сотрясались от тяжелых ударов об пол деревянных лап. Птица-фиантен светилась ярким светом, но как же я желала сейчас, чтобы со мной был кинжал и мои верные совы. Краем глаза различаю неясные очертания высоких стеллажей и потемневшее серебро древних фолиантов. По всей видимости это была библиотека. От быстрого бега грудь разрывалась, наконец, ноги предательски запутались в длинной юбке и рухнула на каменный пол. И тут же деревянная морда нависла надо мной.

— Поди прочь!

Волк все ближе, теперь я различаю каждый рубец на длинном теле, в нос ударяет запах сгнившей древесины и болота. Красные глаза пронзают насквозь, и спазм сдавливает горло, а сердце замедляет стук, все вокруг тонет во тьме.

— Элая! — нежный голос зовет меня. Поворачиваю голову и вижу ЕГО. Он стоит спиной к солнцу, и лицо тонет в сгущавшихся сумерках сада. Бросаюсь к нему, чтобы скорее оказаться в горячих объятиях.

— Почему ты пришел? — шепчу, задыхаясь от счастья и вслушиваясь стук родного сердца в груди. — Ведь завтра мы венчаемся.

— Завтра, — вздыхает ОН, смеясь чуть слышно, — это так долго. Так долго до того момента, когда я смогу назвать тебя своей женой, моя бесподобная Эля!

Замираю, боюсь дышать. Хочу, чтобы эти секунды длились вечно. Тихий закат, упоительная сладость душистого сада, журчащий фонтан за розовой аллеей. И это счастье. Невыносимое.

— Ты счастлива? — спрашивает ОН, слегка целуя мои волосы.

— Да, — слетает с губ ответ. Но тут же мрачная мысль пробегает перед глазами, как бы смазывая яркие краски этого чудесного вечера.

— Что такое, любовь моя? Ты хмуришься.

И я читаю в глазах моего жениха тревогу. Хочу промолчать, но он не дает отвести

взгляд.

— Скажи, что тревожит тебя, — требует настойчиво, сжимая пальцами мой подбородок.

— Даже не знаю..., — говорю, чуть помедлив. — Просто Ареса... Она стала такой странной. Мне кажется, она заболела.

Укол тоски и беспокойства пронзают сердце. Я так отчаянно хочу, чтобы Ареса была счастлива, чтобы она вновь стала прежней: веселой и беззаботной.

— Ну же, не хмурься, — и меня снова прижимают к крепкой груди, — я уверен, что Ареса поправится.

— Я бы отдала все на свете, лишь бы она была счастлива... — шепчу, вслушиваясь в удары сердца: тук-тук-тук.

— Пошел прочь! — последовавший за этим ревом ослепительный свет пробился даже сквозь мои плотно сомкнутые веки.

Делаю глубокий вдох и прихожу в себя. Все тот же темный свод, ряды книг, в ногах различаю очертания высокой худой фигуры, облаченной в длинный темный балахон. Сквозь сумрак постепенной проступили и черты лица. Такие же тонкие и подвижные, как и тело. Это был юноша, от рук которого исходил тот самый ослепляющий свет.

— Тебе не место здесь! — голос, глубокий и сильный, совершенно не сочетался с наружностью юноши.

Деревянный волк, неотрывно смотревший на него, медленно отходил все дальше и дальше, пока полностью не исчез в темноте коридора.

Потрясенная и сбита с толку, я все продолжаю лежать на ледяном полу, все еще не веря в то, что смогла избежать гибели. Юноша не сразу опустил руки, еще несколько минут продолжая всматриваться и вслушиваться. Наконец, глубоко вздохнув, он поспешно надел темные перчатки и перевел на меня взгляд, таинственный и глубокий, словно магический шар. С секунду он пристально изучал меня, и вдруг совершенно неожиданно запустил руку в волосы и смущенно расхохотался.

— Ну и волчище! Жуть! Не зря Учитель предлагает убрать этих страшилищ и заменить их более совершенными оберегами. И я совершенно с ним согласен. Что за морды! А лапищи! Какие-то гнилушки, а не обереги, Хромус мне свидетель! Ну и холодина здесь! Поднимайся скорее с пола, иначе можно простудиться!

Я во все глаза смотрела на этого болтающего без умолку паренька в черном балахоне и копне медных волос на голове, которые он без конца теребил то одной то другой пятерней.

— Честно говоря, помещение здесь очень холодное! — продолжал веселый рыжик, не дав мне возможности открыть рот. — На мне четыре пары носков! Только представь! Четыре пары!

И несколько не стесняясь, парень торжественно приподнял полы балахона, из-под которого показались тонкие худые ноги, обутые в довольно потертые ботинки и полосатые толстые носки, украшавшие их многочисленные дырочки, говорили о том, что парень совершенно не умел бороться с молью.

— Кхм, да... — только и успела выдавить из себя.

— Я так скажу, конечно, хранить древние рукописи и фолианты- дело ответственное и почетное, и я благодарен Учителю. Я так и сказал Его Мудрейшеству, что, мол, я, Клод Клейториус, благодарен всем сердцем, что из всех учеников Академии, именно на меня пал жребий, стать хранителем этого сокровища! — парень махнул рукой в сторону книг. — Но

все же, да позволит Совет профессоров, я бы желал иметь в распоряжении хоть небольшую печечку. И что, ты думаешь, они мне ответили?

Клод замер, явно ожидая от меня ответа. Я неуверенно помялась, не веря, что мне наконец-то дают вставить слово.

— Э... Они разрешили?

— Ха, а вот и нет! — взревел от радости парень, хлопнув в ладоши с такой силой, что несколько свитков упало с полки. — Так и сказали, что мол, ты Клод, несомненно, ценный ученик, но древние книги дороже! Вот и приходится обходиться носками, шалью, перчатками, и пить литрами горячие настои, от которых тянет в сон. А ведь в моем то деле спать — ни-ни, нельзя! Есть сроки, и я должен их выполнять!

Клод говорил и говорил, уводя меня в глубь книжного лабиринта. Вскоре показался большой стол, сверху-донизу заваленный всякой всячиной. Тут рядом с раскрытыми свитками лежал ворох бумаг, исписанный мелко-мелко быстрым почерком, различные фигурки птиц и зверей, пухлый том, на котором было нацарапано «Большой словарь древних символов и знаков». Чуть поодаль стояло множество грязных кружек и чарок, под столом в обилии рассыпаны крошки.

— О, прошу прощения, не успел убраться! — виновато заулыбался Клод, бросаясь к бардаку и принимаясь шумно убираться. — Я, знаешь ли, люблю порядок!

Совершенно измотанная произошедшими событиями, я опустилась в стоящее рядом мягкое кресло и стала молча наблюдать за суетившимся парнем.

— У ученых людей все должно быть разложено по полочкам. Иначе, одна маленькая ошибочка, один неверно понятый смысл древнего символа — и все, перевод неточный, или вообще неверный! А что такое исказить смысл древней рукописи? Это же серьезное преступление! На моих плечах лежит груз колоссальной ответственности — нести просвещение следующим поколениям! Приоткрывать завесы тайн древних!

Несмотря на болтовню, Клод довольно проворно справлялся с уборкой. Откуда-то у него в руках выросла швабра, а затем и тряпка. Грязная посуда куда-то незаметно исчезла, вместо нее на столе дымился медный чайник с причудливой ручкой в виде изогнутого дракона, и пара совершенно чистых кружек. В воздухе разлился приятный аромат трав. Клод похозяйски разлил настой, и протянул мне полную кружку, сам торопливо отпивая из своей.

— Как же я испугался! До сих пор поджилки трясутся, клянусь Хромусом!

Я с сомнением уставилась сначала на напиток, а затем на беззаботно болтающего паренька. Все-таки жизнь в этом странном мире кое-чему успела меня научить. И главное — здесь надо всегда быть начеку. Всегда надо быть готовой к неожиданному удару из-за угла. Но Клод казалось совершенно не замечал моего мрачного сверлящего взгляда. Преспокойно выхлебав одну кружку напитка, он накатила вторую порцию, и так же жадно выпил ее залпом. Его такое спокойствие несколько успокоило меня, и я поднесла нос к кружке. Мелисса, мята, ромашка и гвоздика. Ничего опасного. Сделав небольшой глоток, с удовольствием отметила, что тепло напитка передается телу, и дрожь отступает.

Клод сразу же наполнил мою кружку, и плюхнувшись на рядом стоящий стол, подпер подбородок ладонью в перчатке, наблюдая за тем, как я осушаю напиток.

— Прости, совсем забыл спросить, как тебя зовут. Меня Клод. Клейториус.

Травяной чай делал свое благое дело, расслабляя члены и стянутые в напряжении мышцы. Я откинулась в кресле и в первый раз решилась улыбнуться.

— Я Элая.

Парень наклонил голову на бок, явно ожидая продолжения. Видимо все-таки придется сказать ему свою фамилию.

— Фиантен... — голос неуверенно дрогнул. — Элая Фиантен.

Я чиркнула взглядом по лицу Клода, пытаюсь понять, какой эффект произведет на него эта фамилия. Парень и правда округлил удивленно глаза, а руки, сжимавшие кружку с настоем, мелко задрожали. Ну вот, сейчас и этот начнет орать, что я нечисть, что из-за меня пала тьма на мир и бла-бла-бла. Что там еще говорили бургомистр, тот волхв и Керан, воспоминание о последнем неприятно отозвалось глухим стуком в груди, и я нахмурилась, готовая встретить очередную атаку.

— Фиантен! — выдохнул изумленно парень, только сейчас приглядевшись к амулету на моей груди. — Ничего себе! Вот так удача!

И совершенно неожиданно он вскочил на ноги и стал громогласно хохотать, заставив меня испуганно вздрогнуть. Чего-чего, а такой реакции я точно не ожидала на сообщение о своей принадлежности к проклятой семье.

— Значит я разговариваю с живой Фиантен! Но как это возможно?!

И, подскочив ко мне, Клод самым бесцеремонным образом принялся меня осматривать и крутить, словно я лошадь, которую он раздумывает купить.

— Ты ведь не вампир, и не вурдалак! Но ты жива! Жива! — выдохнул парень, оттягивая вверх мои веки, словно глазной врач.

— Да, я жива! И терпеть не могу, когда меня лапают, — грубо оборвала спятившего от радости парня, больно треснув того по рукам.

— Ай, больно же! — вскричал он, отпрыгивая и с укоризной бросая на меня взгляд.

— Я конечно очень благодарна тебе, что ты не дал тем деревяшкам слопать меня, — говорю, гордо расправляя плечи. — Но попрошу держать свои руки при себе! А теперь прошу прощения.

Лучшим решением сейчас было так же удалиться, высоко подняв голову, но тут меня подвел собственный организм, а точнее самое предательское место — живот. Громкое урчание испортило весь мой праведный гнев, заставив меня замереть с раскрытым ртом, а на лице Клода расплзлась довольная улыбка.

— Кхм, кажется, кто-то тут давно не ел, — кашлянул парень, и мне тут же захотелось пустить в его физиономию медный чайник.

Немного отойдя от шока, я хотела было уже закончить торжественную фразу, но дурацкий живот решил, что одного позора недостаточно для одного вечера. Второе урчание уже заставило Клода упасть на стул и расхохотаться. Он хохотал и хохотал, пока не проступили слезы, а я стояла над ним и от бешенства кусала губу. Вот что в таких случаях делают? Треснуть-таки его чем-нибудь тяжелым, или плюнуть и удалиться? Решив, что последнее самое верное решение, развернулась на каблуках, и заторопилась к выходу.

— Постой же! — крикнул парень в спину, и едва я успела опомниться, подскочил ко мне и схватил за руку, уводя за собой.

— Я же сказала, чтобы ты держал руки при себе! — взревела я, но куда там. Рыжик все продолжал веселиться.

— Пойдем, я знаю, что тебе может помочь!

И он повел меня снова по витиеватым лабиринтам, потом по коридору и по лестнице вверх.

— Куда ты ведешь меня! Пусти! — вырывалась я, но тонкие пальцы Клода держали так

крепко, что я даже не могла вытянуть пальцы.

Пройдя знакомой открытой галереей, я заметила, что во всех окнах замка бургомистра горел свет, доносились голоса, но по ним невозможно было понять, поймали ли ту нечисть или нет.

Клод меж тем распахнул тяжелую дверь и повел меня вновь вниз по лестнице.

— Куда ты меня тащишь, олух?! — ругалась я что было сил.

— Да вот же — смотри!

Выдернув наконец свою руку и тряся онемевшие пальцы, я вдруг замерла. Это была кладовая. Вдоль стен тянулись ряды полок, уставленных всевозможной всячиной. Мой нос тут же учуял запах ветчины, сыра и сладкого сдобного теста. Живот в очередной раз выдал свой концерт, вызвав еще один смешок на лице Клода. Но мне уже было плевать! Как же здесь вкусно пахло!

— Садись сюда, — рыжик усадил меня на широкую скамью перед столом, а сам бросился к корзине с пирогами и блюдом с накрытой полотном ветчиной и солониной. Всего через пару мгновений передо мной выросли все эти сказочные яства, чьи ароматы сводили с ума.

— Ты уверен, что нас за это не накажут? — говорю, не отводя жадного взгляда от пирога.

— Конечно же нет, — хмыкнул Клод. — Я ученик Его Мудрейшества, работаю считай целыми ночами, сам бургомистр постановил мне позволить беспрепятственный доступ к съестным запасам. Все в замке знают об этом.

— Ох, как же это здорово, — выдыхаю и тут же отправляю в рот толстый кусок ветчины. Вкус был восхитительный! После ветчины последовали пироги с мясом и капустой, затем сыр, моченые яблоки, и наконец желе. Когда я в последний раз так вкусно и сытно ела? У себя в замке, рядом сидели Белочка и Смуглянка, а напротив улыбающееся личико Мирей. Воспоминание о дочери бургомистра заставило меня резко вскочить на ноги.

— О нет! — ужас охватил меня. — Та нечисть! Она же вбежала в замок! А там Мирей! Я должна уйти! Должна убедиться, что с ней все в порядке!

Клод тоже поднялся.

— Не волнуйся, я уверен, что нечисть не успела никому навредить. Те деревянные волки довольно примитивны и устарели, но все же они способны быстро найти и обезвредить то, что уже умерло.

Но слова Клода не успокаивали меня. Дрожь и паника вновь овладевали телом, я бросилась к двери, но та, к удивлению, с громким треском распахнулась. В комнату шагнули несколько крепких стражников с обнаженными мечами, и впереди всех — Керан.

Его появление так поразило меня, что я зачем-то спрятала руки с куском пирога за спиной и замерла.

— Так вот где ты прячешься, ведьма! — взревел шедший рядом с Кераном стражник, надвигаясь на меня. — Это твоих рук дело! Сейчас-то мы быстренько костер тебе устроим!

Верзила уже замахнулся мечом, я вздохнула, и тут произошло что-то странное. Клод встал передо мной, заграждая от стражника, и одновременно раздался громкий приказ Керана:

— Отставить, Тарин!

На мгновение в кладовой воцарилась напряженная тишина. Тарин таращил глаза на Керана, стражники за его спиной недоуменно переглянулись.

— Сэр Керан, приказ его превосходительства бургомистра Верона было найти и уничтожить тварь, напавшую на его дочь!

При этих словах я почувствовала, как леденеет все внутри. Так значит та нечисть добралась до Мирей!

— Мы не знаем точно, что за этим нападением стоит Проклятая Птица, — спокойно отвечал Керан, мазнув зеленым взглядом по моему лицу и задержавшись на секунду на лице Клода.

— Да что там знать! — не выдержал горячившийся Тарин. — Кто еще мог уйти от волков?! У кого такая магия?! Только — вот! — и он угрожающе ткнул в мою сторону толстым пальцем. — Ее надо схватить и сжечь, пока еще кто-нибудь не пострадал!

Керан надвинулся на Тарина, и тот вдруг потупил горящий взор и отступил, пропуская его ко мне. На передо мной упрямо стоял Клод.

— Сэр Вестник! Могу ручаться, что Элая эта девушка не нападала на госпожу! Она все время была здесь со мной.

— С тобой? — одна бровь Керана поползла вверх, и он окинул незадачливого Ученика и Хранителя древних фолиантов таким взглядом, словно рассматривает некое подобие насекомого, заползшего ему на сапог, и которого он раздумывает прихлопнуть.

— Клод! Клод Клейториус! — смело представился парень, выпячивая худую грудь. — Любимый ученик Его Мудрейшества Диодуса! И смею вас заверить, сэр Вестник Богов, что данная девушка не могла никому навредить. Если хотите, могу предоставить поминутный отчет по времени пребывая Элай Фиантен сначала в книгохранилище, затем здесь — в кладовой, и еще...

— Отойди, — лишь бросил Керан, заставив Клода подавиться застрявшими в горле словами. Любимый Ученик и Хранитель древних фолиантов нервно сглотнул и нерешительно шагнул в сторону.

Я же стояла, ничего не замечая вокруг, мысль о том, что Мирей снова пострадала жгла нестерпимым огнем, а глаза щипало от слез. От фигуры Керана веяло льдом и северным ветром, он молчал, сверля меня взглядом.

— Что ты прячешь за спиной? Покажи.

Вздрагнув, вскинула голову и наконец встретилась с ним взглядом. Злым, холодным, безжалостным. И тут только вспомнила, что, как последняя дура, сжимаю за спиной кусок недоеденного пирога с капустой. Нелепость всей этой ситуации еще больше ошарашила меня.

— Покажи, что прячешь?! — надвинулся Керан.

— Что? — только хлопаю ресницами.

— Ну! — не выдержав, Керан схватил мой локоть и кусок злосчастного пирога повалился на пол, провожаемый изумленными взглядами как самого Вестника, так и всех стражников. Вид столь невинного преступления окончательно взбесил Керана. Он больно сжал мою вторую руку и встряхнул так, что волосы упали мне на лицо, а в глазах запрыгали полки с блюдами.

— Говори, что ты делала в полночь! Как смогла выйти из комнаты?! Говори!

Зеленые злые глаза смотрели так пристально, что становилось больно.

— Я не знаю! Какое-то существо открыло дверь! А затем меня стали преследовать волки! — крикнула я, пытаюсь вырваться из цепких рук Керана. Как же меня все достало!

— Существо? — опешил Керан, слегка ослабляя хватку.

— Да, — киваю. — Какая-то нечисть хотела войти в мою комнату, но услышав волков — убежало.

Недоумение отразилось на его лице, он глубоко над чем-то задумался.

— Да врет она, сэр Керан, — решил вставить слово один из стражников. — Ее потому обереги и гнали, что это она напала на госпожу.

Керан резко поднял руку, заставляя стражника прикусить язык.

— Прошу, позволь мне навестить Мирей! — взмолилась я, не выдержав молчания. — Я должна убедиться, что ее можно вылечить!

Керан смотрел куда-то мне за плечо, словно пытаюсь найти там разгадку странного нападения, но мои слова заставили его посмотреть на меня.

— Госпожа Мирей? Почему ты думаешь, что пострадала она?

— Тогда кто же? — говорю и тут же понимаю.

— Совершенно нападение на госпожу Агнесс и ее служанку Ясмену, — чеканит ровным голосом Керан. — Они при смерти.

Глава четырнадцатая

Агнесс и Ясмена при смерти! Та нечисть каким-то непонятным образом мало того, что смогла проникнуть через защитное поле, создаваемое вокруг города волками-оберегами, так еще проникло в замок и напало на людей.

— Волки догнали тварь? — поинтересовался Клод, который успел отодвинуться от белобрысого сэра вестника на безопасное расстояние.

Керан покачал головой.

— Нет.

Лицо Клода застыло в немом изумлении. Это не укладывалось в голове. Это невозможно. Словно говорили его глаза.

— Значит, — бормочу себе под нос. — Существо еще в замке. Оно снова может напасть.

— Удивительная догадливость, — зло бросил Керан. — Идем. Тебя хочет видеть бургомистр.

Браслеты на запястьях нагрелись, как бы предупреждая меня от глупостей. По правде говоря, это было лишним, так как я сама желала как можно скорее оказаться возле пострадавших девушек. Надо осмотреть укусы и оценить их состояние.

Бравые стражники пропустили вперед Керана, рядом с которым ковыляла и я, понуро свесив голову и глядя под ноги. Мы двинулись по знакомому пути, соединявшему казармы и задний двор с замком. Каждая комната в этот поздний час стояла ярко освещенной десятками свечей и светильников, на полу валялись поломанная мебель, разбитые вазы и обломки статуй, а красивый мозаичный пол во многих местах был исполосован следами чудовищных когтей, оставленными то ли самой нечистью, то ли деревянными волками. Огромные залы гудели от громких голосов перепуганных слуг, несколько женщин плакали, вытирая щеки полами фартуков. Но едва мои ноги ступали в очередное помещение, как шум тут же смокал, и десятки острых взглядов впились в мое лицо, словно иглы, отчего оно начинало гореть. Стража шагала по обе стороны от меня, слева мерно вышагивал Керан, и впервые мне до жути захотелось спрятаться за этой широкой крепкой спиной от злых взглядов. И незаметно замедляю шаг и слегка захожу за плечо вестника.

И тут же раздражение опалило нервы. Нет, я не дам себя сломить. Я ни в чем не виновата! А потому я не буду идти словно побитая собака. Расправляю плечи, подбородок дернула вверх.

— Только глянь, вышагивает, будто южная царица, — донесся злой шепоток за спиной. — И почему только ее до сих пор не сожгли.

— Тварь поганая!

— Ведьма!

Ну все, понеслось. Гул вокруг нарастал, то и дело к стражникам подскакивала перекошенная от злобы и ярости физиономия лакея или комнатной девушки. Толпа сгруппировалась, сомкнулась и начала напирать.

— Смерть проклятой! В костер! В костер ее!

Леденящий ужас и ярость смешались внутри, но упрямство и гордость помогли не опустить голову и не расплакаться от сыпавшихся со всех сторон угроз и проклятий.

— Ничего, Элая, — шепчу, едва сдерживая дрожь. — И это пройдет. Пройдет.

Керан слегка повернул голову, лишь на долю секунды наши взгляды пересеклись, но что

читалось в зеленой глубине глаз вестника богов осталось загадкой для меня. Скорее всего он с горячей готовностью побежал бы выполнять пожелания толпы, и уже через час мои обуглившиеся кости чернели бы на площади перед замком бургомистра. А еще через сутки Агнесс и Ясмена обернутся в нечисть и примутся убивать и есть все живое на пути. И только я в силах их спасти.

Пройдя высокими галереями и парадными залами, сопровождаемая гневными выкриками и проклятиями, я наконец вошла в просторную комнату, располагавшуюся на втором этаже. Ее высокие стрельчатые окна выходили во внутренний двор замка, где раскинулся уснувший навечно сад и замерший пруд, мягко отражавший серебристое свечение, занимавшееся на горизонте.

— Так значит уже утро, — бормочу рассеянно.

В комнате царил такой же сумбур и беспорядок, как и во всем замке. Балдахин роскошной резной кровати валялся на полу разодранный в клочья, и тут же лежала бездыханная госпожа в шелковом ночном платье, расшитом воздушным кружевом. Золотые кудри рассыпались по ковру, а на белой прекрасной шее Агнесс чернел уродливый укус. Толпа служанок и нянек столпилась вокруг, рыдая и громко плача, а у изголовья на коленях стоял белый как смерть бургомистр Верон, за его спиной нависал волхв Диодус, который, едва завидев меня в дверях, яростно стиснул челюсть.

— Повелитель, тварь здесь, — произнес он ледяным тоном.

Верон поднял тяжелую голову с пролеглими под глазами глубокими тенями.

— Ты... — сорвалось с его губ. — Что ты сделала с ней? Проклятая! Что ты сделала с моей Агнесс?!

— Тварь!

— Сжечь ее!

Переставшие плакать женщины обступили меня со всех сторон. Меня же сковал взгляд Верона, полный глубочайшей боли и ярости.

— Смерть ведьме! — крикнул снова кто-то.

Хочу что-то сказать, как-то оправдаться. Но едва раскрываю пересохшие губы, как что-то острое больно обжигает щеку. Потрясенная, испуганная, пячусь назад и хватаюсь за горящее лицо. Тут же за стражниками вижу одну из служанок. Это она только что бросила в меня кусок разбитого зеркала. И словно по команде, будто кто-то спустил курок, мужчины и женщины принялись хватать первое попавшее под руку и бросать в мою сторону. Я стояла посреди этого кошмара, оглушенная, немая, безучастная к той жуткой ненависти, что окружала со всех сторон, напирала на стражников, ставших вдруг моей единственной защитой, единственным препятствием, мешавшим толпе растерзать меня.

— Сомкнуть кольцо! — раздается словно через вату голос Керана.

Передо мной вырастает его спина, и следующий острый осколок зеркала вонзается в рукав Керана.

— Прекратить! — взревел Верон. И этот крик мгновенно заставил всех умолкнуть. Бургомистр шагнул ко мне, испепеляя взглядом. Чувствую на щеке что-то мокрое. Это кровь, и только через мгновение до сознания доходит, что это слезы. Проклятые предательские слезы, капавшие с подбородка.

— Скажи, Фиантен, — начал бургомистр, — какую смерть ты себе избираешь за убийство моей Агнесс? Быть сожженной на костре или разодранной толпой?

Он говорил в полнейшей тишине. Звенящей. Оглушающей.

— Клянусь, — шепчу, борясь с подступающим рыданием. — Я никогда не причинила бы никому вреда. Прошу, поверьте мне...

— Поверить?! Как я могу тебе верить?! Кто еще во всем Клерстаре обладает настолько сильной магией, чтобы скрыться от волков-оберегов?! Это моя вина! Я должен был приказать сжечь тебя еще там, на той стороне реки! А теперь моя дочь мертва!

И в отчаянном бессилии Верон обхватил голову и застонал, словно раненый зверь.

— Увести! Казнить! — рявкнул он в лицо застывшего рядом Керана. — Немедленно сжечь эту тварь!

Вестник богов не пошевелился, лишь бросил в мою сторону странный напряженный взгляд.

— Господин, быть может, ведьма сможет излечить госпожу Агнесс так же, как она излечила юную Мирей, — произнес бесстрастно Керан.

— Излечить?! — голос Верона зазвенел. — Она уже мертва! Она не дышит!

— Что? — бормочу потрясенно. Но почему так скоро?

— Да позволит его сиятельство светлейший бургомистр проверить состояние госпожи Агнесс? — совершенно неожиданно раздался голос.

В дверях стояла знакомая худая фигура в черном балахоне.

Клод Клейториус бесшумно приблизился к Верону и склонился в глубоком поклоне, спрятав руки в широких рукавах.

— Что ты забыл здесь, ученик?! — леденящим голосом спросил Диодус. — Возвращайся к своим обязанностям и не вмешивайся в господский суд.

— Да простит Его Мудрейшество дерзость своего ученика, — прошелестел бесцветно Клод, — но все чего желает мое презренное существо — это исцеления госпожи Агнесс, и юной Ясмены. Прошу позволения у его сиятельства осмотреть пострадавших.

— Твой дар не целительство! — тут же загромыхал «его мудрейшество» Диодус. — Лучшие придворные знахари провели осмотр и диагностировали смерть. А ты еще хочешь что-то проверить! Пошел вон!

Разгневанный таким поведением Клода волхв уже хотел двинуться на него, но совершенно неожиданно Верон остановил его.

— Стой... — произнес он, тяжело дыша. — Дай ему осмотреть.

Волхв замер. Я же неотрывно смотрела на Клода, чье тонкое лицо в эту секунду выражало предельную степень смирения и покорности.

— Благодарю, мой господин, — склонился он еще ниже и приблизился к Агнесс, чьи посиневшие губы и веки свидетельствовали о том, что дух уже покинул это прекрасное тело.

Клод осторожно опустился рядом, приподнял голову девушки, и едва заметным движением снял перчатку со своей руки. Уверенными движениями он приложил ладонь сначала к губам Агнесс, а затем и к груди.

— Господин, этот ученик творит непотребство! — тут же оскорбленно запричитала одна из стоящих рядом тетушек, заломив руки. — Никто не смеет так касаться госпожи, тем более мужчина!

Но Верон проигнорировал это замечание, напряженно и неотрывно наблюдая за действиями Клода.

Тот же приложил руку к сердцу Агнесс и закрыл глаза, и тут же я увидела, как по его руке поползли тонкие светящиеся струйки-змейки.

— Ну что?! — не выдержал напряжения Верон. — Каков твой вердикт, ученик?

— Мой господин, — произнес Клод, открывая глаза, — я ощущаю биение жизни в этом теле. А точнее свет жизни. Он еще не потух окончательно.

— Что ты мелешь, мошенник?! — вскипел Диодус, явно недовольный той высокой честью, которой удостоился его ученик. — Как ты можешь ощущать свет жизни?!

Клод так же легко поднялся на ноги, и, склонившись, продолжал.

— Да простит мне Его Мудрейшество, но долгие бессонные часы я посвятил переводам многочисленных древних свитков, в том числе рассказывающих о силе Первородных.

— Первородных?! — подхватила изумленная толпа.

— Продолжай, — приказал Верон.

— Так вот, в них говорилось и о том, что древние семейства Первородных обладали разными необычными дарами, знаниями о которых делились с остальными. В том числе знаниями о целительстве через сердечные нити.

— Господин, я отрекаюсь от этого ученика! — засверкал глазами Диодус. — Он соблазнился учениями о запрещенных магических практиках и пытается сейчас выдать эти знания за благо. Первородные уничтожены!

Верон молчал, стиснув челюсть. И Клод, поняв, что ему позволяют говорить дальше, приободрился, и на его лице заиграла легкая улыбка.

— Истинная правда, Ваше Мудрейшество, — произнес он почтительно, но в нотках проступила едва заметная ирония. — Первородные семьи были уничтожены, но не все.

И в наступившей тишине Клод шагнул в мою сторону и взял за руку.

— Пойдем, — улыбнулся он. — Мне нужна твоя помощь.

Что-то забилося в моей груди. Горячее и живое. И, не отрывая благодарных глаз от светящегося лица Клода, я пошла за ним. Лишь на мгновение меня обжег темный взгляд Керана, но это длилось так недолго, что не могло произвести смущения в моем сердце.

Мы с Клодом опустились по обе стороны от Агнесс.

— Я лишь немного читал о сердечных нитях, — признался Клод, смущенно почесав рыжий затылок, — ты можешь распознать, есть ли в ней жизнь или нет?

Я кивнула и положила руку на грудь госпожи, прямо в область сердца. Фиантен засветилась, обожгла кожу, и это тепло заструилось по моему телу, замерев на кончиках пальцев. И тут же я ощутила пульсацию и биение.

— Госпожа жива, — срывается с моих губ.

— Что?! — взревел зал.

— Не верьте ей! Она лжет!

Фиантен жгла все сильнее, и тем сильнее прощупывалась пульсация сердечной нити. Агнесс жива.

— Так исцели ее! — тут же подскочил ко мне взволнованный бургомистр.

Я осторожно поднялась на ноги.

— Чтобы исцелить госпожу мне нужно мое веретено.

Бургомистр напряженно уставился на меня, пытаюсь вспомнить о каком таком веретене идет речь.

— Так что же? — опомнился он, отшатываясь в ужасе. — Ты хочешь, чтобы я позволил тебе отнести мою Агнесс в твое ведьмино логово?

Я кивнула.

— Да, господин. Госпожу и ее служанку Ясмену нужно перевести в мой замок в лесу, иначе сердечная нить потухнет, и они умрут.

Бурмистр пошатнулся, словно готовый рухнуть. Известие о том, что единственный шанс для спасения его дочери — это полностью довериться проклятой ведьме, едва не сломило его дух. Он громко застонал, крепко обхватив голову.

— Не слушайте ее, ваше сиятельство! — тут как тут подскочил Диодус. — Эту ведьму надо сжечь, а Клейториуса заточить в казематы! Он изменник!

— Если это единственный способ спасти ее... — прошептал едва слышно Верон, иступлено смотря на свое бездыханное дитя, — то что ж... Керан!

Вестник богов приблизился к бургомистру.

— Уведи эту ведьму и крепко запри. Готовь самые лучшие сани и самых быстрых и проворных коней! Пусть Фиантен показывает дорогу.

Я не верила тому, что слышала. Значит у меня есть шанс спасти этих несчастных девушек. Я бросила взгляд в дальний угол комнаты, где так же недвижно лежала Ясмена, но вокруг нее никто не стоял и не протирал виски ароматным маслом. Жизнь и смерть этой служанки мало волновала обитателей замка, озабоченных лишь благополучием дочери бургомистра.

Кольцо стражников вновь обступило меня со всех сторон, а жар от браслетов напомнил, что следует подчиняться. Я направилась к дверям, и только напоследок обернулась посмотреть на Клода. Встретив мой взгляд, парень тепло улыбнулся, я же была не в силах повторить такое. Губы упорно не желали улыбаться.

По пути назад меня уже никто не окрикивал. Весть о том, что бургомистр решил ехать и вести умершую дочь в лесное логово ведьмы мгновенно разлетелась по всем залам и коридорам, и между собой люди решили, что Верон просто зачарован, или, чего доброго, спятил с ума от горя.

Дверь в комнатенку со скрипом распахнулась. Стражники молчаливой толпой один за другим растворились за спиной. Стремительным шагом я подошла к окну и устремила взор в даль, туда, где все сильнее разгоралось зарево Цитрина, светила этого несчастного мира. Сегодня небесная паутина почти полностью была скрыта за снежными пухлыми облаками, на фоне которых носились стаи ворон. Ощувив спиной чей-то пристальный взгляд, устало оборачиваюсь. Керан стоит в распахнутых дверях и молчит, не сводя глаз, в тусклом рассвете казавшимися такими же серебристыми, как и снег за окном.

— Через час повозка будет готова.

— Хорошо, — киваю и снова устремляю рассеянный взгляд в окно. Мне хотелось, чтобы он поскорее ушел, чтобы наконец оставил одну.

— Полагаю, тебе понадобится теплая одежда, — замялся Керан.

— Возможно, — равнодушно пожимаю плечами. Но боковым зрением замечаю, как потемнел взгляд Керана.

— Ну что ж. Я приду за тобой.

Дверь так же со скрипом захлопнулась, а следом раздался звук замка.

Я продолжала смотреть на мир за окном. Голова была пуста, виски и пораненная щека пульсировали. Рассеянно подношу руку ко лбу и тут же замечаю, что за время моего отсутствия в комнате произошли перемены. Определенно к лучшему, так как в углу стоял большой графин, доверху наполненный водой, рядом медный таз. Не веря своим глазам, подхожу ближе и замечаю небольшое круглое зеркальце, сиротливо прячущееся за тазом. Кто принес все эти удобства?

Беру зеркальце и вглядываюсь в свои черты. Это лицо, я успела привыкнуть к нему.

Провожу пальцами по царапине на щеке, и тут же все встало передо мной. Крики, злобные гримасы, проклятия. Разъяренная толпа, едва сдерживаемая стражей. Ком подкатил к горлу. Я устало опустилась на кровать, и, обхватив руками колени, расплакалась. Горько-горько. Как плакала очень давно в детстве.

Глава пятнадцатая

Шесть здоровых лоснящихся на свету лошадей стояли впряженные в закрытые сани у высокой лестницы замка. Агнесс вынес на руках сам бургомистр, бедняжку Ясмену позади тащили на носилках двое лакеев. Вокруг собралась целая процессия из стражи и слуг. В глазах многих застыл испуг и напряжение, но каждый при этом не желал предстать перед очами Верона трусом. Именно поэтому кроме старшего капитана Роберта с отрядом воинов в латах и отважных тетушек, хлопочущих над Агнесс, добровольцами в поход в ведьмино логово вызвался чуть ли не весь штат замка. Энтузиастов набралось очень много, все они столь яростно и красноречиво били в грудь и уверяли в своей готовности отправиться умирать в страшный лес, что в результате отъезд затянулся еще на добрых два часа. А тем временем жизнь постепенно затихала в пострадавших девушках. Весь этот нескончаемый поток преданности прервала вспышка гнева самого Верона, приказавшего ехать только самым необходимым людям.

В число таких необходимых людей без сомнения входил сэр Керан, вестник богов, «его мудрейшество» грозный волхв Диодус и я. Мне даже выделили отдельную лошадь. И теперь мы с животным таращились друг на друга в легком недоумении. Наездница из меня та еще, и скакун хорошо это чувствовал. Оглянувшись вокруг с немой мольбой в глазах, быстро поняла, что никто не спешит помочь ведьме в овладении тонким искусством залезания в седло. Остальные всадники уже были готовы, неизменные охранники-верзилы насмешливо скалили зубы над моими тщетными попытками сесть в седло.

— Смотрите-ка, ребята, а ведьма мало того, что глупа, как гусыня, так еще и неуклюжая, — гоготал во все горло Тарин и остальные дружки подхватили его смех. Чтоб им лопнуть, этим тупым дубинам.

Не на шутку разозлившись, я в десятый раз попыталась вставить ногу в стремя, но лошадка мудро рассудила, что такая всадница ей ни к чему, и решительно отступила в сторону, презрительно фыркнув. К тому времени я уже порядком выбилась из сил, в предыдущие неудачные разы я успевала вытащить сапог из стремени, прежде чем лошадь отойдет, но в этот раз, каблук зацепился, меня потащило, сапог соскользнул с ноги, и я неуклюже плюхнулась прямо на снег, чем вызвала очередной взрыв хохота. Желающих поглазеть на мое унижение стало намного больше.

— Животное чувствует дурной дух! Его не обманешь! — послышалось из злорадствующей толпы.

Ярость взвивалась внутри черным пламенем. Ага, дурной дух, значит! Ну сейчас вы увидите настоящую заклинательницу зверей!

Уверенным движением вынимаю застрявший сапог, обнимаю скакуна за морду и заглядываю в фиолетовую влажную глубину глаз.

— Послушай, я знаю, что тебе доводилось возить куда более искусных наездников, но именно сейчас мне нужно добраться до замка. Иначе две прекрасные ни в чем неповинные девушки умрут.

Лошадка загнула острые уши и качнула мордой, словно соглашаясь с моими доводами. Несколько ободренная такой реакцией животного, я осторожно погладила жесткую гриву и шею.

— Смотрите-ка, не иначе как заговор наводит на животинку, — раздались шепотки

вокруг.

— Околеет кобыла после такого, как пить дать!

— Гляньте-ка, лошадь приняла ведьму! — ахнул кто-то, тыча в меня.

А я тем временем тайком сунула в рот лошади кусочек яблочного пирога, который припасла изначально для себя в дорогу, и пока скакун довольно работал зубами, забралась-таки в седло. Так хотелось сделать это как можно изящнее и проворнее, но получилось, как получилось. Хорошо уже, что снова не упала на потеху толпы.

— Отлично, — тихонько выдыхаю и обхватываю ногами бока лошади, пальцами цепляясь за поводья.

— Во имя пяти богов, капитан Роберт, Керан, помогите уже ей! — раздался раздраженный приказ бургомистра, все это напряженно наблюдавший за мной. Он уже давно сидел верхом на черном как ночь породистом скакуне рядом с повозкой, облаченный в дорожной плащ, подбитый мехом белой лисицы, и выглядел величественно и грозно. Чуть позади стояли капитан стражи Роберт, Диодус и белобрысый вестник, в зеленых глазах которого читалось снисходительное презрение по отношению к такой странной неумехе, как я. В самом деле, в этом мире, где единственным верным способом передвижения были лошади, казалось странным подобная нерасторопность.

Первым поспешил выполнить приказ своего господина капитан Роберт. Резво подъехав ко мне, он ловко схватил поводья и привязал их конец к своему седлу. Вот теперь можно было трогаться в путь. Я напоследок еще раз окинула взглядом толпу, но убедилась, что Клода нет. Интересно, почему он не поехал? Мне хотелось поблагодарить хранителя древних фолиантов. Все же, если бы не его поддержка, я была бы давно мертва. Глаза невольно заскользили и по бело-серому фасаду замка, в одном из окон которого я вдруг увидела крошку Мирей. Девочка грустно улыбалась и махала мне ручкой, и я улыбнулась ей в ответ.

Длинная процессия выехала из широких ворот замка и потянулась по улицам уже проснувшегося Клерстара. Стук копыт заглушал толстый слой снега, покрывавший мощенную дорогу, а обильно смазанные свиным жиром полозья саней скользили плавно и бесшумно, дабы не нарушать покоя прекрасной дочери бургомистра. Горожане приветствовали появление своего правителя глубоким благоговейным поклоном и молитвами о здравии госпожи, плевки же через левое плечо адресовывались мне.

Лошадка послушно семенила ногами за капитаном, и я наконец смогла расслабить напряженные руки и ноги и как следует рассмотреть город. Сошедшие словно со старинных гобеленов аккуратные домики венчались черепичными крышами, из которых, словно пни, торчали толстые черные трубы. Такой же черный дым вырывался из их нутра и делал снег вокруг серого оттенка. Да, именно шапки снега и наросты льда повсеместно были главным украшением Клерстара.

Широкая улица, по которой двигалась процессия, по всей видимости служила главной транспортной артерией города, то и дело груженные телеги с бочками и мешками спешили отъехать в сторону и очистить путь. Кудахтанье кур, лайные дворовых собак, плач детей, доносившийся из приоткрытых ставень домов, любопытные взгляды толстых лавочников — с живым интересом я отмечала каждую деталь этого старинного города, давно забывшем, как выглядит солнце и чистое голубое небо. Как же мне хотелось иметь рядом доброго собеседника, готового ответить на многочисленные вопросы, что так и вертелась на кончике языка. Но ехавший чуть впереди капитан Роберт казался человеком суровым и молчаливым, стражники тупыми и насмешливыми, а к Керану, чей злой острый взгляд то и дело впивался

мне между лопаток, я бы не обратилась с подобными расспросами даже если бы мне за это обещали свободу.

Маршрут процессии пролегал через огромный готический собор, выстроенный из белого камня. Пять острых шпилей венчали статуи богов. Бургомистр Верон поднял руку и подъехал к высоким тяжелым воротам собора, которые тут же широко распахнулись, и оттуда вышли люди в балахонах, серых, черных и коричневых, каждый держал зажженный светильник. Бургомистр опустил на землю, и к нему тут же подошел Диодус.

— Я желаю воздать почести нашим богам, — произнес Верон, — чтобы они защитили нас от тварей тьмы и вернули мою дочь к жизни.

Диодус одобрительно закивал головой на толстой шее.

— Ты все верно рассудил, мой господин. Еще лучше будет посыпать лошадей и воинов пеплом с жертвенника и надеть обереги из костей белых волков, дабы не только тело, но и разум имел защиту от темного прелога.

— Керан! — позвал бургомистр. — Иди со мной и Диодусом. Уверен, что боги охотнее услышат наши молитвы, если рядом будет тот, кто был особо избран ими.

— Слушаю, господин, — отвечал Керан и спрыгнул с седла.

Когда он проходил мимо меня, я смогла украдкой рассмотреть его. Черный шерстяной костюм с воротником стойкой, расшитый серебряной нитью. Только сейчас я поняла, что это был не хаотичный узор, а изображение переплетенных между собой двух воронов. Тяжелый плащ с черным мехом, был застегнут на фибулу в виде того же ворона. Белая кожа, серебристые волосы в совокупности с особой таинственной энергией, исходившей от его крепкой мускулистой фигуры, делали Керана существом словно из другого мира, привлекательного и опасного одновременно. В толпе раздалось смущенное хихиканье девушек и восклицания. А, сидевший рядом Тарин хмыкнул в бороду и зло прищурился, в его глазах промелькнуло нехорошее чувство, но, заметив, что я наблюдаю за ним, он поспешил придать своему лицу привычное лениво-насмешливое выражение.

Тем временем бургомистр Верон, волхв и Керан вошли под просторные своды собора, и густой дым благовоний скрыл их фигура. Остальные остались ждать на улице. Я лучше запахнулась в теплый плащ и натянула на голову капюшон. Мороз щипал щеки, а ветер завивал в кольца мои густые черные волосы, ниспадавшие мне на грудь. Я не слишком доверяла словам Керана о теплой одежде для поездки, и уже приготовилась ехать в своем изорванном платье. Но на удивление он сдержал свое слово. В комнату вошли несколько перепуганных служанок, несших какой-нибудь предмет одежды. Вскоре я уже облачилась в строгое шерстяное платье, теплые чулки, сапоги и плащ. А когда подошло время отправляться в дорогу и стража повела меня к парадному выходу, к кому вдруг подбежала Мирей, сумевшая ненадолго вырваться из-под опеки нянюшек, и вложила в руки теплые рукавицы из меха белок.

— Я знаю, ты обязательно вылечишь сестрицу, Элая, — торопливо шепнула мне девочка и чмокнула в щеку.

Я с нежностью смотрела на подарок маленькой госпожи и не замечала, как улыбка тронула губы. А внутри все сильнее росло нетерпение. Мне хотелось снова вернуться в лес, пройти сквозь грозную ограду и оказаться в зачарованном саду, где всегда царит лето.

К счастью, бургомистр понимал, что время не на стороне его дочери, потому молитва богам была короткой.

Вскоре процессия двинулась дальше. Проехали сквозь ворота и направились напрямиком

к деревянному мосту через реку. При виде темнеющего сооружения по спине пробежал неприятный холодок, на другом берегу проступали очертания деревянных волков, припорошенных снегом. Их обманчивая неподвижность отозвалась спазмом в животе и предательской дрожью в коленях, ведь я хорошо знала, какой силой обладают эти изваяния, в прочем в этот раз не сумевшие справиться со своей главной задачей — уничтожением нечисти.

Перед глазами встали сцены прошедшей ночи. Ожившие обереги, погоня по темным коридорам дворца, страшная красноглазая тварь, заглядывающая мне в комнату. И наконец Клод с исходившим от его рук ослепительным светом. Неужели все служители богов обладают такими способностями? Я невольно покосилась на волхва Диодуса, возвышавшийся в седле словно снежная гора. Клод упоминал, что его учитель хотел заменить волков на более совершенные обереги. Получается, именно он и его ученики отвечали за изготовление новых защитных статуй и оберегов. Что ж, тогда вполне логично, что Клод смог прогнать их. Но все же у меня осталось так много вопросов об этом мире. Я так и не смогла узнать, сколько времени полог тьмы закрывает небо, как давно столицей Нордесса стал Цитрин и откуда взялись темные твари: вурдалаки и вампиры. Все эти обвинения, которые я слышала за последние дни, что именно через Фиантен пришла тьма на землю, совершенно ничего не объясняли. Если действительно это правда, тогда почему именно сила веретена с начерченной на ней огненной птицей способна исцелять людей от укусов той же нечисти?

От обилия вопросов загудела голова, но я хотя бы смогла отвлечься от сковывавшего страха перед мостом, становившегося все ближе с каждой минутой.

И вот шедшие впереди всадники ступили на деревянные доски, сразу за ними въехал капитан Роберт, и вот уже моя лошадь застучала копытами.

— За этим мостом сила ведьмы станет безраздельной, мой господин, — хмурясь, предупредил Диодус, то и дело устремляя тяжелый взгляд в даль, где начинался черный лес.

— Ты считаешь меня глупцом, волхв? — голос бургомистра опасно зазвенел, вынуждая Диодуса опустить взгляд. — Я бы никогда не подвергнул подобной опасности свою дочь, если бы не был уверен в храбрости моих воинов и в силе Керана. Боги были милосердны к нам, послав в Клерстар своего вестника. Легенды, ходившие о них, в самом деле не лгут. Ты сам был свидетелем того, на что он способен. Простой человек не может обладать такой разрушительной силой.

— Ты без сомнения прав, мой господин, — покорно склонил голову Диодус, при этом косясь в спину Керана. — Говорят, что лишь Маркабр, вестник богов, охраняющий Цитрин, обладает равной силой. Боги возлюбили Клерстар, именно поэтому и выпал жребий нашему городу принять в свои стены священный Цитрин, призвать свет и прогнать тьму.

Я расслышала этот разговор сквозь стук копыт и поразились. Значит помимо Керана есть еще вестники? Кто же они такие?

К тому моменту процессия полностью въехала на мост. Здесь было меньше снега, и потому полозья саней двигались не так проворно, всем пришлось спешиться и замедлить шаг.

Сердце в груди испуганно колотилось, мне не терпелось как можно скорее проехать и саму реку, и жутких волков. Я боялась сама не знаю чего. И то и дело оборачивалась, и цеплялась взглядом за Керана, словно ища подтверждения напрасности моих страхов. Керан же сидел спокойно и уверенно, лишь пару раз он встретился со мной взглядом, но каждый

раз спешил первым отвести глаза, словно сам мой вид для него был источником крайнего раздражения.

Лошади меж тем спокойно добрались до другого конца моста. Тут основная дорога уходила резко влево вверх по реке, подальше от жуткого леса. Мы же повернули вправо прямо по глубокому снегу, где еще недавно клерстарцы отбивались от полчищ нечисти.

— Как вы думаете, Дракайна уже ушла? — зашептал кто-то за спиной.

— Тише! Тише! Не называй имя кровавой королевы, особенно здесь!

Но чем сильнее росло напряжение среди людей, тем легче дышалось мне. Ведь я возвращалась домой. Уже миновали высокую насыпь-курган, где я впервые очнулась. В нос ударил запах мокрой древесины и гниения. И толстые черные стволы елей обступили со всех сторон, угрюмо встречая этих странных людей, решивших потревожить вековой покой. Я радостно улыбнулась и подняла лицо вверх, туда, где над головами толстые ветви сплетались в плотный занавес, отчего всегда тут царил полумрак.

Капитан Роберт спешил и обернулся.

— Хорошо бы поторапливаться.

Бургомистр подъехал к нам и остановил на мне тяжелый взгляд.

— Тут, Фиантен, начинается территория твоей власти. Помни, что лишь из-за любви к моей Агнесс, я позволил завести нас в этот проклятый богами лес. А теперь веди нас, и клянусь священным Цитрином, что, если ты задумаешь погубить нас, твоя казнь состоится прямо здесь — на этом снегу.

С этими словами Верон повернул голову к Керану, и тот приблизился.

— Теперь я полагаюсь целиком и полностью на тебя, вестник. Не позволяй ведьме обмануть нас, — и бургомистр дружественно положил руку на плечо Керана.

— Не беспокойтесь, мой господин, — поклонился тот. — Сейчас я не чувствую присутствия злой силы.

Бургомистр довольно кивнул, и снова обратил на меня взор.

— Веди нас.

Наступила тишина. Лошади и люди замерли.

— Я хотела бы пойти пешком, — произношу, не забывая при этом поглядывать на ветки елей. Не прилетели ли мои совы?

— Сбежать хочет, — тут же фыркнул Тарин.

Взгляд бургомистра потемнел. Я же смотрела спокойно, моя былая уверенность в себе крепла с каждой минутой проведенной в лесу. Верон был прав. Здесь находилась территория моей власти. Это был мой дом. Словно прочитав все это в моих глазах, Верон сдвинул брови и кивнул.

— Пусть идет пешком, если так хочет, но Керан тогда должен находиться рядом.

Я так обрадовалась возможности поскорее слезть с седла, что перекинула ногу на другую сторону и приготовилась прыгнуть. Но лошадка, к тому времени уже отвязанная от седла капитана Роберта, решила проделать со мной тот же фокус и пошла вперед. Я испуганно вцепилась в гриву. Ну не прыгать же мне с лошади на ходу? Я же не из цирка, в конце-то концов?! Раздался знакомый хохот, правда приглушенный страхом, с опасливой оглядкой по сторонам. От стыда краска вновь залила мое лицо.

— О, боги! — раздался тут раздражительный возглас.

И прежде, чем я успела опомниться, Керан подскочил к моей лошади, одной рукой крепко схватил ее под уздцы, а второй довольно грубо стащил меня со седла.

— Во имя Вереса, как можно не уметь того, что могут делать даже дети! — взревел он, прожигая взглядом, от которого мне захотелось провалиться под землю.

— Я... я просто никогда раньше... — начала виновато лепетать под нос.

— Что ты там бормочешь? — тут же вскипел Керан, продолжая удерживать и лошадь и меня.

Капюшон съехал с головы, и я ощутила горячее дыхание Керана на своей макушке, густой мех его ворота щекотал щеку, и я разглядела несколько нерастаявших снежинок, запутавшихся в черном ворсе.

— Говори, куда идти, — холодно напомнил он, отстраняясь, — госпожа Агнесс и Ясмена умирают.

Я собрала рассыпавшиеся волосы и взглянула на ель. Там мелькнули два горящих круглых глаза. Сердце радостно затрепетало и забилося чаще.

— Белочка! Ко мне! — крикнула я, подбегая к стволу и протягивая руку.

Сквозь густые иголки мелькнули белые крылья совы, и через секунду раздалось знакомое:

— Уффф!

Белочка опустилась на нижнюю толстую ветку и повернула на бок голову с интересом разглядывая огромную толпу людей и лошадей за моей спиной.

— Я вернулась! — улыбаюсь птице. — Отведи меня домой.

— Уффф!

И над моей головой низко-низко пролетела Смуглянка. Толпа испуганно ахнула, кони заржали, но я уже сжимала рукоять мерцающего фонаря. И как по-волшебству на ветках стали загораться огоньки, указывая путь к зачарованному замку.

— Нечистая сила! Нечистая сила! — запричитал кто-то.

Выглядывающие из саней тетушки громко зарыдали.

— Ох на погибель ведет она нас, господин! — закричал один из стражников.

— Заткнись, трус! — тут же оборвал его побледневший Тарин.

Я же уверено и бойко ступала по глубокому снегу, не сводя глаз с огоньков. Белочка осмелела и опустилась мне на плечо, и я с нежностью почесала ее крыло. Керан шел рядом и хмурился, внимательным острым взглядом осматривая каждый куст, каждое дерево, встававшее на пути, видимо он был готов к любой неожиданной опасности или расставленной мной ловушке.

Наконец перед нами выросла высокая непроходимая стена-ограда. Бургомистр и вся процессия замерли перед ней в немом изумлении.

— Куда ты нас завела, проклятая? — взревел Диодус, расширенными от ужаса глазами рассматривая стену.

Я молча приблизилась, и тут же стена начала расступаться, пока не образовалась длинная высокая аллея, в конце которой уже проступали очертания моего замка.

— Добро пожаловать, дамы и господа, — вежливо промурлыкала я оцепеневшей толпе позади себя.

Даже Керан смотрел на расступившиеся колючие ветви с нескрываемым изумлением.

Хмыкнув, я подобрала полы платья и шагнула в аллею.

Больше книг на сайте - Knigoed.net